
A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА


THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ВЪ ПАМЯТЬ

О КНЯЗѢ ВЛАДИМИРѢ ѲЕДОРОВИЧѢ

ОДОЕВСКОМЪ.

ЗАСѢДАНІЕ ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,
13 Апрѣля, 1869 года.

МОСКВА.
Въ типографіи «Русскаго».
1869.

ВЪ ПАМЯТЬ

О КНЯЗѢ ВЛАДИМИРѢ ѲЕДОРОВИЧѢ

ОДОЕВСКОМЪ.

ЗАСѢДАНІЕ ОБЩЕСТВА

ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

13 Апрѣля, 1869 года.

МОСКВА.

Въ типографіи «Русскаго».

1869.

Дозволено цензурой. Москва, 11 Іюня, 1869 г.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Предсѣдателя Общества любителей россійской словесности, А. И. Кошелева,

въ засѣданіи 13-го апрѣля, 1869 года.

Милостивые Государи!

Не безъ глубокой, сердечной горести, и не безъ страха, сажусь я на кресло, которое, съ такою пользою для общества и съ такимъ блескомъ, занималъ мой покойный другъ А. С. Хомяковъ, и которое, еще такъ недавно, многіе изъ насъ настоятельно предлагали другому другу моему, нынѣ отъ насъ также отшедшему—князю В. Ѳ. Одоевскому. Первая горесть нѣсколько утоляется десятилѣтіемъ, почти истекающимъ послѣ кончины А. С., и въ особенности тѣмъ, что дѣйствіе, произведенное изданіемъ первыхъ двухъ томовъ его сочиненій, нынѣ до того сильно, что онъ какъ будто здѣсь, посреди насъ, и

неутомимо, неуклонно дѣйствуетъ проповѣдью великихъ истинъ, которыя онъ такъ живо и глубоко сознавалъ.

Но послѣдняя наша горесть еще ни чѣмъ не умѣряется. Такъ недавно князь Одоевскій былъ между нами; такъ молодъ и свѣжъ онъ былъ душею и умомъ; такъ юношески онъ любилъ человѣчество и каждаго изъ своихъ собратій, что почти не вѣрится, что его уже нѣтъ въ живыхъ, и что этой разнообразной и всегда благожелательной дѣятельности уже положенъ конечный предѣлъ. Мы еще до того изумлены, поражены этою утратою, что едва ли кто теперь въ состояніи обстоятельно разсказать событія жизни покойнаго и оцѣнить его заслуги, по разнымъ поприщамъ, на которыхъ онъ дѣйствовалъ. Для меня, М. М. Г. Г., связаннаго съ нимъ почти полувѣковою дружбою, которая не нарушалась ни однимъ, самымъ кратковременнымъ охлажденіемъ,—такая задача совершенно невозможна. Но, при нынѣшнемъ первомъ, послѣ кончины князя Одоевскаго, засѣданіи Общества, чувствую потребность помянуть его нѣсколькими словами: нужно, отрадно говорить объ утраченномъ предметѣ любви или дружбы—этимъ покойный какъ будто воскрешается и вызывается въ нашу среду.

Отличительнымъ свойствомъ князя Одоевскаго было то, что онъ прежде и болѣе всего былъ человѣкъ, братъ всякаго человѣка. Узнавать все до человѣчества относящееся и могущее быть для него пригоднымъ; дѣйствовать на пользу своихъ собратій, и помогать ближнему и совѣтомъ и дѣломъ и своими небольшими достатками—было дѣломъ всей его жизни. Съ ранней молодости, въ лѣта зрѣлыя, и до послѣднихъ дней своей жизни, онъ, въ этомъ отношеніи, былъ неизмѣнно вѣренъ самъ себѣ. Хотя онъ былъ характера мягкаго, легко поддавался убѣжденіямъ другихъ, и самъ часто увлекался; однако никогда и никому не уступалъ, коль скоро видѣлъ въ уступкѣ опасность, ущербъ для своей или чьей-либо человѣчности. Онъ глубоко, благоговѣйно уважалъ свободу всякаго человѣка, и никогда не позволялъ себѣ рыться въ чужой совѣсти. Въ самыхъ искреннихъ бесѣдахъ, онъ никогда и ни о комъ не говорилъ дурно; напротивъ того, всегда старался отыскивать лучшія побужденія, которыя могли заставлять людей дѣйствовать такъ, а не иначе; и особенное наслажденіе онъ находилъ въ защитѣ обвиняемыхъ. Не разъ онъ говаривалъ: «хочу лучше быть сто разъ обманутымъ, чѣмъ однажды приписать чело-

вѣку зло, въ которомъ онъ неповиненъ.» Когда же онъ вполнѣ удостовѣрялся въ негодности какого-либо поступка, тогда онъ приходилъ въ негодованіе, и считалъ долгомъ совѣсти всѣми силами обличать такое дѣло; но и тутъ, клеймя поступокъ, онъ никогда не касался до человѣка вообще. Замѣчательно, что обличая онъ всегда оставался незлобнымъ; и что, посреди тяжкихъ испытаній, выпадавшихъ на долю ему самому, людямъ болѣе или менѣе ему близкимъ, и глубоко имъ любимому отечеству, онъ никогда не впадалъ въ отчаяніе, ибо глубоко вѣрилъ, что все людямъ во благо.

Любознательность и дѣятельность князя Одоевскаго были до того разнообразны и до того, по всѣмъ частямъ, живы, что трудно рѣшить, на какомъ поприщѣ онъ съ особенною любовію подвизался. Онъ страстно и глубоко любилъ музыку; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ постоянно, усердно и съ увлеченіемъ занимался науками; онъ изучалъ философію, химію, физику, естественныя науки, даже математику, но съ особеннымъ наслажденіемъ писалъ по части изящной словесности; онъ ревностно, съ полною добросовѣстностью, даже съ жаромъ посвящалъ себя занятіямъ по государственной службѣ и въ Петер-

бургѣ и въ Москвѣ; и, въ то же время, служилъ Обществу и различнымъ его отдѣламъ, со всемъ усердіемъ частнаго свободнаго человѣка.

Огромная библіотека, имъ собранная, и многочисленныя замѣтки, карандашемъ на книгахъ имъ сдѣланныя, свидѣтельствуютъ о томъ, что не было знанія, къ которому бы онъ оставался равнодушнымъ. Статьи, имъ написанныя, какъ появившіяся въ печати, такъ и тѣ, которыя имъ были задержаны въ письменномъ столѣ, показываютъ, что ни одна отрасль человѣческой дѣятельности не была ему чужда, и что ни къ одной изъ нихъ онъ не относился, не только съ презрѣніемъ, но даже съ равнодушіемъ. Люди, мало знавшіе покойника, едва повѣрятъ, что этотъ музыкантъ, белетристъ, человѣкъ охотно посѣщавшій частныя и публичныя собранія, велъ постоянно, акуратно, своею собственною рукою, журналъ всѣмъ дѣламъ, въ рѣшеніи которыхъ въ Сенатѣ онъ принималъ участіе; до двадцати толстыхъ книгъ такого журнала доказываютъ, какъ добровѣстно покойный исправлялъ свои служебныя обязанности.

Не менѣе замѣчательно и то, что князь Одоевскій, проживши въ Петербургѣ около

сорока лѣтъ, написавши въ это время много разныхъ проэктовъ и еще несравненно болѣе оффиціальныхъ бумагъ, и почти постоянно участвовавши, или безъ имени или подъ псевдонимомъ, въ разныхъ петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ,—онъ, несмотря на то, сохранилъ въ своемъ слогѣ полную чистоту Русскаго языка. Галицизмы, обороты не свойственные Русской рѣчи, не точныя выраженія —его въ высшей степени оскорбляли, и читая книги, даже газеты, онъ подчеркивалъ такія мѣста, а иногда даже на полѣ ихъ исправлялъ.

Дѣла земскія, городскія, всякія общественныя такъ живо занимали князя Одоевскаго, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ журналы этихъ учрежденій. Въ Петербургѣ, онъ былъ гласнымъ Общей Думы, и гласнымъ весьма много трудившимся. Здѣсь, по его просьбѣ, городскій голова присылалъ ему доклады разныхъ коммисій Общей Думы; онъ читалъ ихъ, и даже дѣлалъ разныя замѣтки, которыя охотно сообщалъ здѣшнимъ гласнымъ. У меня онъ всегда бралъ журналы земскихъ собраній Рязанскаго губернскаго и Сапожковскаго уѣзднаго, и никогда не возвращалъ ихъ безъ своихъ замѣтокъ.

Скажу еще болѣе: что могло быть для него, и по постоянному его пребыванію въ столи-

цахъ, и по занятіямъ его музыкальнымъ, литературнымъ и служебнымъ, менѣе занимательнымъ, чѣмъ сельское хозяйство? А между тѣмъ, и имъ онъ живо интересовался, усердно объ немъ разспрашивалъ, даже предлагалъ дѣлать разные опыты, и самъ нѣкоторые изъ нихъ производилъ въ горшкахъ, и на дачахъ, гдѣ онъ проводилъ лѣто.

Благотворительность для князя Одоевскаго была не долгомъ, который онъ на себя налагалъ, не средствомъ къ полученію награды въ будущемъ мірѣ; нѣтъ! она была для него потребностію—наслажденіемъ жизни. Въ Петербургѣ ему преимущественно обязаны своимъ началомъ общество посѣщенія бѣдныхъ, дѣтскіе пріюты, Максиміліановская лечебница, и много другихъ благотворительныхъ заведеній и дѣйствій. А какъ любилъ онъ лично, тайно благотворить!

Чистота души его была изумительная: проживши весь свой вѣкъ въ самыхъ частыхъ сношеніяхъ съ людьми, на службѣ, посреди интригъ всякаго рода и званія, онъ всегда оставался имъ совершенно чуждымъ. Даже на почвѣ самой скользкой—при дворѣ, онъ оставался тѣмъ же человѣкомъ, какимъ онъ былъ у себя дома, въ кругу своихъ друзей.

Однимъ словомъ, все человѣческое, какъ общественное, такъ и частное, какъ теоретическое, такъ и практическое, имѣло въ немъ сторонника, сотрудника, защитника и поощрителя. Онъ могъ, съ полною правдою, сказать: «все человѣческое мнѣ близко и дорого, и ничего человѣческаго я не считаю для себя чужимъ.»

Переѣздъ князя Одоевскаго изъ Петербурга въ Москву, составляетъ, въ его жизни, одно изъ тѣхъ событій, которое всего вѣрнѣе и лучше его характеризуетъ. Онъ прожилъ въ Петербургѣ безъ малаго сорокъ лѣтъ; привыкъ къ тамошней жизни; пользовался и на службѣ и въ обществѣ самымъ пріятнымъ положеніемъ; ему предстояло получить мѣсто служенія болѣе самостоятельное; онъ удостоенъ былъ самымъ милостивымъ и лестнымъ расположеніемъ къ себѣ Августѣйшихъ Особъ; и не смотря на то, онъ никогда не покидалъ мысли перебраться въ Москву, и тутъ провести остатокъ дней своихъ. Часто объ этомъ своемъ желаніи онъ говаривалъ, и когда встрѣчалъ, въ друзьяхъ и пріятеляхъ, сомнѣніе на счетъ устойчивости его въ такомъ намѣреніи, тогда онъ смолкалъ, но видно было, что про себя думалъ: а на дѣлѣ будетъ такъ. Получивъ званіе сенатора, тотчасъ онъ сталъ

хлопотать о переводѣ своемъ въ Москву. Петербургскіе друзья князя Одоевскаго всячески старались его отъ того отклонить; но онъ, вообще мягкій и сговорчивый, остался непоколебимымъ въ этомъ своемъ намѣреніи, и переѣхалъ въ Москву, съ твердымъ рѣшеніемъ не покидать болѣе любимаго имъ города. Москва, послѣ почти сороколѣтняго его отсутствія, пришла ему совершенно по сердцу; онъ чувствовалъ здѣсь себя дома и постоянно радовался, что ему удалось привести въ исполненіе свое горячее, всегдашнее желаніе.

Другому не менѣе горячему, не менѣе существенному его желанію—не суждено было осуществиться. Князь Одоевскій ожидалъ закрытія московскихъ департаментовъ Сената, желая тогда вполнѣ предаться изученію и возстановленію нашей древней церковной, и Русской народной музыки, и очищенію ея отъ всякой иноземной и несвойственной ей примѣси. Не разъ, въ прежнія времена, онъ добродушно посмѣивался надъ своими друзьями—сотрудниками Русской Бесѣды, и сильно возставалъ противъ внесенія стихіи народности въ науку, политику и музыку. Но изученіе древней церковной и народной музыки произвело въ немъ коренной переворотъ;—и, въ послѣдніе годы, съ особеннымъ удовольствіемъ онъ говаривалъ: «посмотрите, какъ я

вамъ послужу—музыкою я обращу къ вамъ болѣе душъ, чѣмъ вы можете того достигнуть всѣми вашими разсужденіями.» Въ послѣднее время, древняя церковная музыка была самымъ любимымъ предметомъ его занятій, и онъ жаждалъ той минуты, когда настанетъ для него возможность вполнѣ ему отдаться. Тутъ онъ находилъ пищу и для своей любознательности, и для своей любви къ музыкѣ, и для своего религіознаго чувства. Замѣчательно, что послѣдняя его бесѣда въ семъ мірѣ, была посвящена этому любимому предмету: на канунѣ своей кончины, на смертномъ одрѣ, онъ болѣе часа говорилъ съ отцомъ Разумовскимъ о древнемъ церковномъ пѣніи.

Въ заключеніе моего слова, считаю долгомъ довести, Милостивые Государи, до вашего свѣдѣнія, что Общество любителей Россійской словесности, желая сохранить сколь возможно болѣе подробностей о жизни и трудахъ А. С. Хомякова и князя В. Ѳ. Одоевскаго, и чрезъ то получить возможность составить обстоятельныя ихъ біографіи, положило, въ засѣданіи 2-го текущаго апрѣля, обратиться ко всѣмъ знавшимъ ихъ лицамъ, съ просьбою о сообщеніи Обществу свѣдѣній объ этихъ двухъ замѣчательныхъ его членахъ.

КНЯЗЬ

ВЛАДИМИРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ОДОЕВСКІЙ

И ОБЩЕСТВО ПОСѢЩЕНІЯ БѢДНЫХЪ ПРОСИТЕЛЕЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ОДОЕВСКІЙ

И ОБЩЕСТВО ПОСѢЩЕНІЯ БѢДНЫХЪ ПРОСИТЕЛЕЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Много было сказано теплыхъ и сочувственныхъ словъ о покойномъ князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ и много еще выскажется. При мысли объ утратѣ этого достойнаго и замѣчательнаго человѣка, возникаетъ цѣлый рой воспоминаній о немъ въ людяхъ, знавшихъ его нѣсколько коротко. Мои вспоминанія о покойномъ князѣ сопряжены почти со всею моею жизнію. Въ настоящую минуту, позвольте мнѣ познакомить Васъ, М. М. Г. Г., съ дѣятельностью князя Одоевскаго на одномъ поприщѣ, гдѣ ярко выказалась вся его личность, и особенно та нравственная, по счастливому о немъ выраженію г. Побѣдоносцева, притягательная сила, которая влекла къ нему сродственныя

души, въ какой бы средѣ онъ съ ними ни прикасался, группировала около него людей и благотворно на нихъ вліяла. Я хочу говорить о значеніи князя В. Ѳ. въ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ просителей въ Петербургѣ, коего онъ былъ предсѣдателемъ. Дѣло благотворительности было дѣломъ всей его жизни, но здѣсь открывался ему обширнѣйшій кругъ дѣйствій.—Онъ предался Обществу отъ души и въ полномъ смыслѣ слова былъ его душею. Онъ посвятилъ ему все остававшееся отъ служебныхъ занятій время и всѣ средства, которыми могъ располагать при весьма ограниченномъ достаткѣ своемъ. Имъ держалась внутренняя связь Общества; онъ соглашалъ мнѣнія, смягчалъ столкновенія, все примирялъ; онъ же боролся съ напоромъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ: Существованіе Общества посѣщенія бѣдныхъ неразрывно связано съ именемъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Но чтобъ показать всю долю участія, принятаго имъ въ дѣйствіяхъ Общества, оцѣнить заслуги и пользу имъ принесенную, необходимо изложить, хотя вкратцѣ, судьбы Общества, правила, коими оно руководствовалось, цѣль его, занятія, способы, и даже приводить цифры, которыя впрочемъ будутъ говорить краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Общество посѣщенія бѣдныхъ составилось въ тѣхъ кружкахъ, которые собирались у князя В. Ѳ. Одоевскаго и графа В. А. Соллогуба, и на которыхъ сходились такъ непринужденно литераторы, артисты, ученые, съ образованными свѣтскими женщинами, вельможами и блестящею столичною молодежью. Первая мысль объ этомъ Обществѣ, какъ мнѣ помнится, принадлежитъ графу Михаилу Юрьевичу Віельгорскому. Мысль эта пришла въ развитіе постепенно, по явной необходимости, весьма многими ощущаемой. Получаемое почти каждымъ нѣсколько достаточнымъ человѣкомъ большее или меньшее количество просительныхъ писемъ отъ бѣдныхъ, ставило добросовѣстныхъ и мыслящихъ людей въ недоумѣніе, какъ удовлетворять въ этихъ случаяхъ потребности сердца помочь ближнему; кого надѣлить по своимъ средствамъ, кому отказать, какъ отличить истинную нужду отъ порочнаго нахальства. Для выхода изъ этого тяжкаго недоумѣнія представлялся одинъ способъ: личнымъ посѣщеніемъ удостовѣриться въ дѣйствительной бѣдности просителя и въ томъ, какой родъ помощи ему особенно нуженъ; но до какой степени это возможно было одному частному человѣку, должно заключить изъ того, что у нѣкоторыхъ жителей Петербурга, предъ празд-

ничными, напримѣръ, днями, стекались сотни просительныхъ писемъ. Разрѣшеніе этой задачи представлялось въ раздѣленіи труда между самыми тѣми лицами, къ которымъ обыкновенно адресуются бѣдные, и въ сосредоточеніи направленія отдѣльныхъ благотвореній, т.-е. въ составленіи на этотъ предметъ Общества.—Вопросы о пролетаріатѣ, о классѣ рабочихъ, вообще о низшемъ слоѣ народа, сильно занимавшіе уже въ то время западъ, отражались и у насъ въ нѣкоторыхъ умственныхъ сферахъ. Литературныя произведенія въ этомъ направленіи, какъ наприм. романъ Евгенія Сю, Les mystères de Paris, и т. п. съ жадностію всѣми читались и возбуждали живой интересъ и любопытство; люди той эпохи, сохранившіе еще свѣжія силы, томились желаніемъ хотя нѣкоторой самостоятельной дѣятельности, не находившей удовлетворенія при тогдашнихъ условіяхъ службы и общественнаго положенія: все это способствовало сознанію и скорому осуществленію мысли объ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ. — Герцогъ М. Е. Лейхтенбергскій принялъ на себя званіе попечителя этого Общества, князь В. Ѳ. Одоевскій начерталъ для Общества правила, Высочайше утвержденныя 12 апрѣля 1846 года, и былъ единогласно избранъ предсѣдателемъ

его, что повторялось ежегодно въ теченіи девяти лѣтъ, т.-е. всего существованія Общества. Въ числѣ 25 членовъ съ нѣсколькими стами рублей въ сборѣ, Общество тотчасъ же скромно начало свое дѣло. Прямою цѣлію оно имѣло, какъ я уже сказалъ, посѣщать бѣдныхъ, обращающихся съ просьбами о пособіи къ разнымъ благотворительнымъ лицамъ, входить въ посредничество между этими лицами и нуждающимися и содѣйствовать, чтобы благотвореніе достигало своей цѣли. Пособія полагались самыя разнообразныя. Отъ каждаго члена требовалось только, чтобы онъ жертвовалъ Обществу одними днемъ въ мѣсяцъ. По истеченіи полугода общество могло уже представить довѣрителямъ своимъ довольно удовлетворительные результаты своихъ занятій и трудовъ. Князь Одоевскій вполнѣ посвятилъ Обществу и всѣ литературныя способности свои. Отчетъ за первое полугодіе, составленный имъ, какъ и всѣ послѣдовавшіе отчеты, обратилъ на себя вниманіе публики, ближе познакомилъ её съ Обществомъ и расположилъ въ его пользу. Написанный живымъ изящнымъ языкомъ и наполненный любопытнѣйшими подробностями, онъ отличался искренностію содержанія и отсутствіемъ всякаго офиціальнаго тона и пріемовъ. Это было тогда

новостію. Вообще Общество прибѣгало къ гласности, сколько было возможно, особенно въ отношеніи ввѣряемыхъ ему и расходуемыхъ имъ суммъ. Собраніе отчетовъ и разныхъ брошюръ касательно Общества, составляетъ весьма значительный трудъ князя Одоевскаго и теперь уже едва ли не библіографическую рѣдкость. Въ два года, Общество достигло быстраго развитія. Въ 1849 году въ составѣ его было до 300 членовъ. Число извѣщеній о бѣдныхъ семействахъ превышало въ эти два года цыфру 7 т., поступило же отъ благотворителей и отъ устроенныхъ Обществомъ разныхъ предпріятій болѣе 60 т. руб., изъ коихъ употреблено на пособія бѣднымъ и заведенія для нихъ свыше 40 т. руб.—Съ самаго начала своихъ дѣйствій, Общество убѣдилось въ необходимости дополнительныхъ средствъ къ простой передачѣ пособій нуждающимся и приступило къ учрежденію разныхъ благотворительныхъ заведеній. Оно устроивало ихъ временно, въ видѣ опыта, разсчитывая при томъ, чтобъ нѣкоторыя изъ нихъ доставляли отчасти и средства къ ихъ содержанію. Такъ Общество имѣло уже нѣсколько—по проекту графа В. А. Соллогуба—женскихъ рукодѣленъ, въ коихъ выдающаяся задѣльная плата возрастала по мѣрѣ безсилія

и степени бѣдности работающей. Общая квартира была устроена для старыхъ одинокихъ женщинъ впредь до возможности помѣстить ихъ въ богадѣльни или другія общественныя заведенія. Семейныя квартиры были вызваны необходимостію извлекать бѣдныя семейства изъ сырыхъ и холодныхъ подваловъ и чердаковъ, и спасать ихъ отъ гибельной атмосферы. Въ двухъ дѣтскихъ ночлегахъ, одномъ для мальчиковъ, другомъ для дѣвочекъ, дѣти находили надзоръ и пристанище, изъ коего могли ходить учиться въ разныя заведенія. Учрежденныя Обществомъ заведенія были или вовсе неизвѣстны у насъ прежде, или основаны на совершенно новыхъ началахъ, и соображенія въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ оказались такъ вѣрны, что, напримѣръ, смотрительница одной рукодѣльни, по закрытіи Общества, продолжала содержать её на свой счетъ, находя въ томъ свою выгоду.—Успѣхи Общества, свидѣтельствуя о предпочтительномъ довѣріи къ нему благотворительныхъ лицъ и публики, доставили ему также многихъ недоброжелателей и, странно сказать, возбудили зависть соперничества. Стали внушать, что подъ покровомъ благотворительности во многихъ обществахъ и прежде таились политическіе замыслы и заговоры; что трудно повѣрить,

чтобъ столько людей, большею частію занятыхъ службою или имѣющихъ иныя обязанности, употребляли свое свободное время на отысканіе и посѣщеніе бѣдныхъ по разнымъ трущобамъ въ отдаленныхъ кварталахъ столицы, или просиживали до глубокой ночи въ душной конторѣ, для распредѣленія и раздачи имъ чужихъ денегъ и пріисканія къ тому средствъ, единственно изъ какой-то человѣколюбивой цѣли, безъ всякой задней мысли; что значительныя средства, коими располагаетъ Общество, не имѣя никакихъ основныхъ капиталовъ, представляютъ также что-то загадочное, и многое т. п. — Февральская революція во Франціи, учрежденіе тамъ демократическо-соціальной республики и народныя волненія во многихъ столицахъ Европы, подали поводъ усилить распускаемые про Общество посѣщенія бѣдныхъ слухи. Многіе видѣли даже что-то угрожающее въ томъ, что Общество имѣло у себя болѣе 8 т. адресовъ бѣдныхъ, не принимая во вниманіе, что значительная ихъ часть была далеко не довольна Обществомъ, которое ставило преграды тунеядству и обличало промыслъ нищенствомъ. Такіе слухи, какъ бы не были они ложны и нелѣпы, не остались безъ послѣдствій. Общество было заподозрѣно. Надъ нимъ

сбиралась туда и оно ожидало своего закрытія. Этого однако не случилось. Но послѣдовалъ 19 марта 1848 года Высочайшій на имя герцога Лейхтенбергскаго рескриптъ, въ коемъ было сказано: «Учрежденное при благопріятномъ попечительствѣ Вашемъ Общество посѣщенія бѣдныхъ сей столицы, совершило многія дѣла, достойныя христіанскаго милосердія и истинной любви къ ближнему. Я вполнѣ оцѣняю таковые подвиги и отдаю всю справедливость членамъ сего Общества, посвятившимъ свои досуги и труды на вспомоществованіе страждущему человѣку. Но дабы поставить Общество посѣщенія бѣдныхъ въ предѣлы одной общей благотворительности, столь изобильной уже въ сей столицѣ, и возвести его на степень, приличествующую сословію, дѣйствующему отъ Моего лица, — Я призналъ за благо, Общество посѣщенія бѣдныхъ въ цѣломъ его составѣ присоединить къ Императорскому Человѣколюбивому обществу, гдѣ оно въ порядкѣ его установленія и должно занять приличное мѣсто и проч.» — Вмѣстѣ съ тѣмъ герцогъ Лейхтенбергскій назначался членомъ совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго общества, а предсѣдатель Общества посѣщенія бѣдныхъ членовъ с.-петербургскаго попечительнаго ко-

митета о бѣдныхъ. — Сколь ни лестны были выраженія рескрипта для членовъ Общества, содержаніе его поставило ихъ однако въ крайнее недоумѣніе. Представлялся вопросъ, какимъ образомъ два общества, учрежденныя на началахъ совершенно противоположныхъ и при томъ съ нѣкотораго рода подчиненіемъ одного изъ нихъ другому, могли дѣйствовать совокупно и согласно. Человѣколюбивое общество имѣло опредѣленные источники доходовъ, состояло изъ чиновниковъ на государственной службѣ, получающихъ жалованье и награды, управлялось бюрократическимъ порядкомъ и дѣйствовало въ этомъ духѣ. Общество же посѣщенія бѣдныхъ пользовалось только добровольными приношеніями и держалось совершенно добровольнымъ содѣйствіемъ своихъ членовъ, не связанныхъ никакими формальными обязательствами. Принятая мѣра казалась Обществу его приговоромъ, оно готово было разойтись. Князь Одоевскій удержалъ отъ этого. Онъ убѣдилъ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, а посредствомъ ихъ и другихъ членовъ, что въ доказательство чистоты ихъ намѣреній и единственной открытой цѣли Общества, оно должно по прежнему неуклонно продолжать свое дѣло, руководствуясь

тѣми же правилами, и при этомъ напряженными силами бороться до послѣдней крайности съ предстоящими затрудненіями и препятствіями. Значительная доля этой борьбы пала на него. Князь Одоевскій былъ назначенъ однимъ изъ членовъ комитета для опредѣленія отношеній Общества посѣщенія бѣдныхъ къ совѣту Человѣколюбиваго общества и долженъ былъ сперва разрѣшать эту сложную задачу, а потомъ испытывать и всю трудность примѣненія на практикѣ. До какой степени Общество было связано въ малѣйшихъ дѣйствіяхъ своихъ и встрѣчало неожиданныя препятствія на каждомъ шагу, сколько въ двусмысленномъ его положеніи требовалось на все объясненій и разрѣшеній, какъ трудно было отстаивать права Общества и ограждать его отъ наплыва формальностей и бюрократизма, всего этого надобно искать въ кипахъ бумагъ, исписанныхъ тогда княземъ Одоевскимъ. Борьба эта стоила ему многихъ горькихъ часовъ и безсонныхъ ночей,—но онъ выдерживалъ ее неутомимо до конца. Общество считало гласность, какъ мы видѣли, однимъ изъ главныхъ средствъ поддержанія столь небходимаго ему довѣрія жертвователей и вообще публики. Теперь это средство, кромѣ тогдашней цензуры,

затруднялось и замедлялось еще такими формальностями, что дѣлалось невозможнымъ. Отчеты свои Общество посѣщенія бѣдныхъ должно было представлять совѣту Человѣколюбиваго общества, для включенія ихъ, по надлежащемъ разсмотрѣніи, въ общій отчетъ; разрѣшеніе же на напечатаніе своего отчета отдѣльно Общество получало развѣ чрезъ годъ спустя, и онъ оказывался уже несвоевременнымъ. Приведу одинъ пришедшій мнѣ на память примѣръ, хотя и маловажный, но довольно характеристическій. Въ одно утро пришедъ къ князю В. Ѳ., я засталъ его готовымъ къ выѣзду, но въ какомъ-то тревожномъ состояніи духа. Вотъ въ чемъ было дѣло. Въ Петербургъ впервые пріѣхалъ хоръ цыганъ, который по новости своей привлекалъ толпы слушателей; цыгане эти заявили желаніе дать концертъ въ пользу бѣдныхъ, призрѣваемыхъ Обществомъ; день былъ назначенъ, программа концерта составлена, но при отсылкѣ ея для напечатанія потребовалось разрѣшеніе совѣта Человѣколюбиваго общества, который собирался разъ въ мѣсяцъ, или по крайней мѣрѣ его предсѣдателя, которымъ былъ митрополитъ с.-петербургскій и новгородскій. Князю Одоевскому предстояло ѣхать въ Александро-Невскую

лавру съ программою концерта, для испрошенія благословенія Его Высокопреосвященства на то, чтобъ цыгане пропѣли: «онъ ужъ не такой, какъ бывало холостой» и т. п. Князь Одоевскій послѣ нѣкотораго колебанія не поѣхалъ, концертъ не состоялся и Общество лишилось конечно значительнаго сбора для своихъ бѣдныхъ, въ чемъ очень нуждалось въ то время. Весною 1849 г. возобновилась въ Петербургѣ съ особою жестокостію болѣзнь холера; поражая преимущественно семейства, живущія въ нуждѣ, это бѣдствіе умножило число обращавшихся въ Общество за пособіями и увеличило его затрудненія. — Къ счастію однако, въ то же время неожиданные случаи и приношенія доставили ему вспомогательныя средства. Городское начальство прибѣгло къ Обществу для призрѣнія въ его заведеніяхъ значительнаго числа сиротъ за условленную отъ правительства плату.—Петербургская Дума ассигновала производить Обществу нѣкоторую ежегодную сумму. Статскій совѣтникъ Е. А. Кузнецовъ принесъ въ даръ Обществу 40 т. руб. сер., что дало возможность преобразовать женскій дѣтскій ночлегъ въ женское училище на 150 воспитанницъ, названное Кузнецовскимъ. Въ то же время медикъ фонъ-деръ-Флаасъ

представилъ Обществу проектъ лечебницы для приходящихъ и пріисканными имъ средствами много способствовалъ къ устройству этого заведенія. Н. Ѳ. Арндтъ и Н. Н. Пироговъ, какъ члены Общества, отнеслись особенно сочувственно къ такому учрежденію, приняли званіе консультантовъ лечебницы и примѣромъ своимъ привлекли въ нее извѣстнѣйшихъ врачей столицы. Лечебница была учреждена собственно для больныхъ, призрѣваемыхъ Обществомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она была открыта для всѣхъ постороннихъ лицъ со взносомъ 30 коп. за посѣщеніе. Болѣе 8 т. человѣкъ посѣщали лечебницу въ годъ, а число сдѣланныхъ ими посѣщеній въ это время простиралось до 27 т. Ничтожная плата за посѣщенія покрывала большую часть расхода на содержаніе этого заведенія, одного изъ замѣчательнѣйшихъ учрежденій Общества. И такъ Общество поднялось опять на ноги и прежнимъ путемъ двинулось впередъ. Средства его умножились и число пособій, оказываемыхъ имъ бѣднымъ, увеличивалось. Оно могло уже расходовать отъ 50 до 60 тысячь рублей въ годъ независимо отъ суммы, оставляемой въ запасѣ отъ одного года къ другому. Среди своихъ возобновившихся успѣховъ, Общество поне-

сію весьма чувствительную потерю. Въ половинѣ 1852 года скончался герцогъ Лейхтенбергскій.—Онъ принималъ живое, искреннее участіе въ судьбахъ Общества и лично раздѣлялъ занятія и труды его членовъ; не пропускалъ засѣданій правленія, безпрестанно осматривалъ заведенія и являлся всюду, гдѣ его присутствіе было нужно и полезно. Привѣтливостію, доступностію и простотою обхожденія онъ пріобрѣлъ общую къ себѣ привязанность, члены видѣли въ немъ не только уважаемаго, высоко поставленнаго попечителя, но и настоящаго товарища въ общемъ дѣлѣ благотворительности. За нѣсколько дней до своей кончины герцогъ въ постелѣ принималъ князя Одоевскаго, и одна изъ послѣднихъ мыслей его принадлежала Обществу. Въ память его Общество испросило разрѣшеніе назвать лечебницу для приходящихъ Максимиліановскою, какъ заведеніе пользовавшееся особеннымъ его вниманіемъ и заботливостію. Вскорѣ послѣ его кончины Общество понесло другой ударъ. Приказомъ по военному вѣдомству запрещалось всѣмъ военно-служащимъ быть членами Общества, такъ какъ это не совмѣстно съ обязанностями ихъ службы. Въ одинъ день выбыло изъ Общества болѣе 70 человѣкъ, изъ коихъ многіе

были самыми ревностными и полезными его членами. Надобно было тотчасъ же ихъ замѣстить и для этого удвоить труды и занятія остающихся. 1853 годъ Общество начало подъ благопріятнымъ знаменіемъ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, по ходатайству Общества, согласился принять званіе его попечителя.

Но не буду утомлять вниманія вашего, М.М. Г.Г., дальнѣйшимъ изложеніемъ случайностей и переворотовъ, постигавшихъ Общество, которое склонялось уже къ своему закату. Наступившія трудныя обстоятельства нашего отечества мало по малу ограничивали приливъ средствъ, коими пользовалось Общество, благотворительныя приношенія стали обращаться преимущественно въ пользу раненыхъ и семействъ воиновъ, павшихъ на полѣ брани; изъ членовъ Общества одни оставили столицу, другіе были отвлечены усиленными служебными занятіями, нѣкоторые поступили въ ряды арміи; прибыли новыхъ силъ нельзя было ожидать въ тогдашнее тревожное время. Общество рѣшило прекратить свои дѣйствія. Оно было упразднено въ апрѣлѣ 1855 года. Князь В. Ѳ. Одоевскій остался на своемъ мѣстѣ, чтобъ похоронить Общество съ честію. Подъ его

председательствомъ учреждена коммисія, которой предоставлялось совершить окончаніе дѣлъ Общества, что и было исполнено вполнѣ удовлетворительно. Всѣ обязательные платежи Общества произведены въ точности и оставшіяся за тѣмъ суммы распредѣлены такъ, что дряхлые и немощные, призрѣвавшіеся въ заведеніяхъ Общества, были обезпечены по возможности въ продолженіи имъ пособій, а дѣти принятые на попеченіе—въ окончательномъ воспитаніи. Заведенія отчасти закрыты. Памятникомъ Общества остались въ Петербургѣ—Кузнецовское женское училище и Максимиліановская лечебница для приходящихъ, которую приняла подъ свое попечительство Великая княгиня Елена Павловна, поручивъ ближайшее завѣдываніе этимъ заведеніемъ князю Одоевскому. Такимъ образомъ онъ продолжалъ еще прежнюю дѣятельность свою и на развалинахъ Общества.

Оканчивая разсказъ объ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ, невольно спрашиваемъ себя: какимъ образомъ учрежденіе, основанное на добровольныхъ приношеніяхъ и на добровольномъ содѣйствіи своихъ членовъ, могло, въ теченіи 9-ти лѣтъ, употреблять ежегодно отъ 50 до 60 т. руб. на дѣло благотворенія?— Отвѣта надобно искать—я полагаю—въ тѣхъ

нравственныхъ началахъ, коими руководилось Общество, и въ добросовѣстномъ ихъ исполненіи, чѣмъ оно пріобрѣтало сочувствіе и полное довѣріе благотворителей.

Здѣсь было бы у мѣста назвать ближайшихъ въ разныя эпохи Общества сотрудниковъ князя Одоевскаго, которые были связаны съ нимъ болѣе или менѣе дружескими отношеніями и единодушнымъ, строгимъ подчиненіемъ себя обязанностямъ, принятымъ на себя изъ любви къ ближнему, но списокъ ихъ былъ-бы слишкомъ длиненъ, и я могъ бы быть виновенъ предъ нѣкоторыми въ невольномъ забвеніи. Наименую немногихъ, уже умершихъ: первымъ представляется мнѣ всѣми любимый А. Н. Карамзинъ, бывшій въ послѣдніе годы товарищемъ предсѣдателя Общества, также рано похищенный смертію К. Ѳ. Опочининъ, Д. П. Хрущевъ, извѣсный въ литературномъ мірѣ Н. Н. Панаевъ и проч.

Существованіе Общества не осталось безъ слѣдовъ на поприщѣ благотворительности: оно пріучило къ нѣсколько разумному надѣленію бѣдныхъ милостынею, столь щедро и часто столь небрежно у насъ раздаваемой, указало на разнообразіе пособій, потребныхъ для нуждаю-

щихся, и представило образцы благотворительныхъ заведеній, прежде намъ неизвѣстныхъ. Теперь мы видимъ подобныя заведенія въ обѣихъ столицахъ и въ другихъ мѣстностяхъ, хотя, по свойственному намъ равнодушію и легкому забвенію прошедшаго, при учрежденіи ихъ никогда не упоминалось объ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ и принадлежащемъ ему починѣ въ этомъ дѣлѣ. Независимо отъ оказанныхъ Обществомъ пособій многочисленному классу бѣдныхъ въ нашей сѣверной столицѣ, что составляло прямую его цѣль, оно имѣетъ еще неоспоримое значеніе въ общественномъ развитіи нашемъ: будучи проявленіемъ, подобнымъ Новиковскимъ обществамъ дружескому и типографскому, оно обнаружило зрѣющія наклонности и стремленія той среды, изъ которой составилось, къ самостоятельной, свободной дѣятельности, требующей извѣстной терпимости и простора, и конечно подготовило нѣкоторыхъ людей къ такой дѣятельности въ болѣе благопріятное время.

Протекло около пятнадцати лѣтъ со времени закрытія Общества; многіе члены его сошли уже въ могилу, оставшіеся разбрелись по разнымъ жизненнымъ путямъ:

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече.....

какъ сказалъ поэтъ; но встрѣчаясь случайно, иногда послѣ долгой разлуки, они сходятся какъ люди одной семьи, какъ свои, воспоминанія ихъ обращаются всегда на поприще нѣкогда ихъ cроднившее, и неминуемо востаетъ предъ ними—незабвенный для нихъ, прекрасный образъ Князя В. Ѳ. Одоевскаго.

Н. Путята.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО.

Музыкальная дѣятельность князя В. Θ. Одоевскаго.

Покойный князь В. Θ. Одоевскій еще въ Петербургѣ усердно занимался наблюденіемъ надъ характеромъ русскаго церковнаго и мірскаго пѣнія. Плодомъ этой дѣятельности было *не мало статей* о музыкѣ, помѣщенныхъ въ двухъ энциклопедическихъ лексиконахъ, издававшихся въ Петербургѣ, а также *Опытъ* о музыкальномъ языкѣ въ Телеграфѣ. (Спб. 1833 г. съ гравированною таблицею). Большую же часть Петербургскихъ наблюденій своихъ надъ русскою музыкою и пѣніемъ, князь привезъ въ Москву въ рукописи, лѣтъ семь или восемь тому назадъ. Надъ изученіемъ нашихъ народныхъ напѣвовъ кн. Одоевскій провелъ, какъ онъ самъ заявилъ печатно, болѣе 20 лѣтъ. Понятно, какой интересъ должны были заключать въ себѣ тѣ рукописи о музыкѣ, которыя князь привезъ съ собою въ Москву,

и которыя по временамъ, отрывками, читалъ немногимъ любителямъ, повѣряя ихъ наблюденіями свои собственныя.

Въ Москвѣ дѣятельность кн. Одоевскаго за исключеніемъ времени на исполненіе его служебныхъ обязанностей, исключительно посвящена была разнымъ, довольно многосложнымъ работамъ надъ теоріею русской церковной и народной музыки и пѣнія.

Надобно сказать, что, еще до прибытія князя изъ Петербурга въ Москву, здѣсь уже было подготовлено достаточно матеріаловъ, относящихся до теоріи и практики церковнаго и народнаго пѣнія. Всѣ эти матеріалы частію вполнѣ, частію на половину подготовленные, нашли себѣ полное сочувствіе и поддержку въ кн. Одоевскомъ, который вначалѣ, кажется, только одинъ оцѣнилъ ихъ по достоинству. Я говорю о трудахъ П. А. Безсонова и Н. М. Потулова.

П. А. Безсоновъ занимался въ то время изданіемъ «Каликъ перехожіихъ». Онъ сообщилъ князю старинные наши напѣвы и пригласилъ его записать нѣкоторые изъ нихъ. Князь, приступая къ труду, рѣшился прежде всего объяснить предметъ, и съ этою цѣлію написалъ *письмо* къ издателю «Каликъ» *объ исконной*

великорусской музыкѣ. Оно было помѣщено въ пятомъ выпускѣ «Каликъ», въ маѣ 1863 года.

Въ концѣ того-же года Н. М. Потуловъ рѣшился сдѣлать извѣстными свои музыкальные труды, относящіеся къ переложенію церковной мелодіи въ гарманическій составъ. Мелодія Кіевскаго роспѣва для литургій Іоанна Златоустаго и Василія Великаго въ томъ самомъ видѣ, какъ она была изложена въ нотныхъ книгахъ сѵнодскаго изданія, была гармонизирована г. Потуловымъ и по благословенію Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго была исполнена первоначально въ Московской приходской церкви (1863), а потомъ въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ Соборѣ (1864 г.) Исполненіе переложеній г. Потулова произвело чрезвычайное впечатлѣніе въ жителяхъ Москвы. Князь, вполнѣ раздѣляя заслуженный успѣхъ, написалъ по этому случаю двѣ статьи, которыя были помѣщены въ газетѣ «День» (1864 г.) Первая изъ сихъ статей имѣла заглавіемъ: *Замѣтки о пѣніи въ приходскихъ церквахъ* (День № 4); а вторая носила заглавіе: *Къ вопросу о древнерусскомъ пѣснопѣніи* (День №17). * Забота о сохраненіи древности въ церковнорусскомъ пѣніи, возбуж-

* Послѣдняя статья была вызвана статьею «Русскихъ Вѣдомостей» 64 г. № 18, подъ заглавіемъ: Церковное пѣніе.

денная трудами г. Потулова и статьями кн. Одоевскаго, вызвала сочувствіе и за границею. Константинопольское музыкальное Общество, въ программу котораго также входили труды о сохраненіи древности въ пѣніи Восточной церкви, избрало князя Одоевскаго въ число своихъ членовъ.

Въ октябрѣ того-же года совершилось въ Москвѣ событіе, которое, по выраженію покойнаго князя, какъ бы ни казалось съ перваго взгляда маловажнымъ, но когда-либо припомнится въ лѣтописи Русскаго искусства и вообще Русской жизни. Русское музыкальное Общество въ Москвѣ открыло безплатный классъ для обученія простому хоровому пѣнію. Покойный князь выразилъ горячее сочувствіе къ этому классу и написалъ статью подъ заглавіемъ: *Безплатный* классъ простаго хороваго пѣнія Русскаго Музыкальнаго Общества въ Москвѣ (День 64 г. № 46).

Въ томъ-же году князь 1) открылъ у себя въ домѣ чтенія о музыкѣ, на которыя собиралось немало любителей; часть этихъ чтеній напечатана только въ минувшемъ 1868 г. подъ заглавіемъ: *Музыкальная грамота* или основанія музыки для не-музыкантовъ; 2) устроилъ фортепіано, въ которомъ совершенно устранена темперація звуковъ, и звукъ діезъ и звукъ

бемоль двухъ сосѣднихъ звуковъ получили свои отдѣльные клавиши; 3) ходатайствовалъ предъ Св. Сѵнодомъ о напечатаніи переложеній г. Потулова.

Весь 1865 г. покойный князь проводилъ въ разныхъ предположеніяхъ, относившихся единственно къ церковному пѣнію. Онъ представлялъ: а) о необходимости исправить печатныя нотнолинейныя богослужебныя книги и имѣть строгій надзоръ за исправнымъ печатаніемъ ихъ; б) о необходимости улучшить азбуку первоначальнаго пѣнія, находящуюся при сокращенномъ Обиходѣ. Эти предположенія вызвали не мало новыхъ соображеній, развитіе и осуществленіе которыхъ потребовало значительнаго времени, и не приведено въ исполненіе даже доселѣ.

Въ концѣ 65-го года состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи комиссіи по дѣлу о церковномъ пѣніи въ народныхъ школахъ. Покойный князь назначенъ былъ членомъ этой комиссіи; онъ принималъ въ трудахъ ея самое дѣятельное участіе, не только въ 65, но и въ первую треть слѣдующаго 66 года. По этому случаю онъ написалъ рядъ записокъ о церковномъ пѣніи, хранящихся и доселѣ въ архивѣ комиссіи. Впрочемъ одна изъ нихъ, именно о *пѣніи въ приходскихъ церквахъ*, была напечатана въ Доамшней Бесѣдѣ 1866 года.

Въ половинѣ 1866-го года совершилось открытіе Московской Консерваторіи. Князь Одоевскій почтилъ торжество открытія особою рѣчью, въ которой высказываетъ надежду, что Консерваторія послужитъ къ преуспѣянію русской музыки, какъ искусства и какъ науки. Съ особенною любовію онъ слѣдилъ потомъ за музыкальнымъ развитіемъ воспитанниковъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ съ ласкою и радушнымъ привѣтомъ принималъ у себя, поощрялъ, давалъ совѣтъ, посѣщалъ даже экзамены по классу церковнаго пѣнія.

Дѣйствіями Русскаго музыкальнаго Общества въ значительной степени развивались въ Московскомъ обществѣ здравыя понятія о музыкальной теоріи вообще и о музыкѣ народной въ особенности. Эти понятія нерѣдко искажались при устныхъ бесѣдахъ. Покойный князь, для укрѣпленія истинныхъ понятій о русской музыкѣ, написалъ статью: Русская и такъ называемая Общая музыка (Газета «Русскій», № 11 и 12, 1867 г.)

Начало нынѣшняго года посвящено было исключительно предположеніямъ и вопросамъ, которые надлежало предложить Обществу ученыхъ на Археологическомъ съѣздѣ. 23 января онъ написалъ и подписалъ предварительныя мысли, руководившія имъ при

составленіи вопросовъ, разсужденіе о которыхъ предлежало Археологическому съѣзду. Въ половинѣ февраля напечатаны были его 1) Опыты въ предѣлахъ погласицы древнерусскихъ тетрахордовъ, и 2) Запрещенныя квинты. Обѣ эти музыкальныя піесы служатъ практическимъ приложеніемъ тѣхъ началъ, распространеніемъ которыхъ занимался князь въ своихъ словесныхъ ученіяхъ о музыкѣ.

Большее же вниманіе князя обращено было въ концѣ февраля на рѣшеніе вопросовъ о русской церковной и народной музыкѣ, предложенныхъ для Археологическаго съѣзда. Дѣятельно онъ готовился участвовать въ средѣ ученыхъ и готовилъ много замѣтокъ, поясненій, предложеній. За день и наканунѣ своей кончины онъ еще занимался предложенными для съѣзда вопросами. И вдругъ нечаянно-негаданно застигла музыканта-теоретика смерть, лишившая насъ значительныхъ пособій и славнаго дѣятеля. Нѣкоторыя изъ оставшихся послѣ него статей были предложены съѣзду, другія, и безъ сомнѣнія въ большемъ числѣ, хранятся въ его кабинетѣ и находятся въ распоряженіи исполнителей предсмертной его воли. Выразимъ надежду, что музыкальные труды покойнаго не навсегда останутся подъ спудомъ, сдѣлаются достоя-

ніемъ людей мыслящихъ и освободятъ ихъ отъ того тяжелаго труда, какимъ обыкновенно сопровождаются первоначальныя изысканія въ дѣлѣ науки и искусства.

Д. Разумовскій.

ВОСПОМИНАНІЕ

О КНЯЗѢ ВЛАДИМИРѢ ѲЕДОРОВИЧѢ

ОДОЕВСКОМЪ.

ВОСПОМИНАНІЕ

о князѣ Владимирѣ Өедоровичѣ Одоевскомъ.

1869 года, апрѣля 13.

И я долженъ присоединить свой листокъ къ тому вѣнку, который друзья Одоевскаго кладутъ теперь на свѣжую его могилу, орошенную ихъ искренними слезами.

Пятьдесятъ почти лѣтъ я находился съ нимъ въ близкихъ, короткихъ отношеніяхъ. Мы кончили курсъ въ одномъ году, 1821,—я въ университетѣ, онъ въ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ имя его осталось на золотой доскѣ, съ именами: Жуковскаго, Дашкова, Тургенева, Мансурова, Писарева. *

Но узналъ я его еще прежде, въ 19-мъ или 20 году, и именно здѣсь, въ засѣданіяхъ Общества Любителей Россійской Словесности.

---

* Первыми воспитанниками слѣдующаго выпуска были Шевыревъ и Титовъ.

Я говорю—здѣсь, въ отношеніи къ Обществу, но зала, гдѣ оно собиралось, была въ другомъ мѣстѣ—въ домѣ университетскаго пансіона, на углу Тверской и Газетнаго переулка. Предсѣдателемъ Общества былъ тогда вмѣстѣ и директоръ пансіона, ректоръ университета, А. А. Прокоповичь-Антонскій, воспитатель многихъ поколѣній русскаго дворянства.

Засѣданія, по духу времени, отличались особенною торжественностію. Старшимъ воспитанникамъ предсѣдатель поручалъ пріемъ посѣтителей. Какъ теперь помню я Одоевскаго: стройненькій, тоненькій юноша, красивый собою, въ узенькомъ фрачкѣ темновишневаго цвѣта, съ сенаторской важностію, которою и тогда уже отличалась привлекательная его наружность, разводилъ онъ дамъ, почтительно указывая имъ назначенныя мѣста, и потомъ останавливался съ краю фланговымъ наблюдателемъ порядка во время чтенія.

И начиналось чтеніе священнымъ псалмомъ Шатрова, который прочитывалъ съ трагическимъ напѣвомъ Кокошкинъ. За нимъ слѣдовало разсужденіе Мерзлякова съ громами противъ увлеченій романтизма, хотя сюда же Жуковскій присылалъ сказку о Красномъ карбункулѣ и Овсяный кисель. Засѣданіе

оканчивалось баснею Василія Львовича Пушкина, Малиновкою, или ей подобною, произносимою восторженно.

И все это выслушивалось въ благоговѣйной тишинѣ, принималось къ сердцу, вызывало жаркія похвалы! Доброе старое время, гдѣ ты, съ своими невинными мечтаніями, съ своими чистыми идеалами!

Всякое чтеніе въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности дѣлалось предметомъ живыхъ споровъ и сужденій у студентовъ и воспитанниковъ въ ихъ собраніяхъ. Русскій языкъ былъ главнымъ, любимымъ предметомъ въ пансіонѣ, и Русская литература была главною сокровищницею, откуда молодые люди почерпали свои познанія, образовывались. И въ этой школѣ образовался слогъ, развился вкусъ у Одоевскаго, равно какъ и у его товарищей, старшихъ и младшихъ.

Послѣднее время въ пансіонѣ и первое по выходѣ оттуда было посвящено имъ Шеллинговой философіи, которая, привезенная профессоромъ Павловымъ, очаровала тогда всю учащуюся молодежь. Давыдовъ, инспекторъ пансіона, былъ проводникомъ ея въ старшихъ классахъ: онъ давалъ книги воспитанникамъ, толковалъ съ ними о новой системѣ, и имѣлъ сильное вліяніе на это поколѣніе.

Тогда напечаталъ онъ въ Вѣстникѣ Европы статью объ эстетическихъ разговорахъ Сольгера и другія, отъ которыхъ Одоевскій приходилъ въ восторгъ, и горячо благодарилъ «руку метавшую бисеръ.»

Одоевскій прославился еще въ пансіонѣ своимъ знаніемъ языка, и по окончаніи курса тотчасъ выступилъ на литературное поприще въ Вѣстникѣ Европы, единственномъ пристанищѣ для молодыхъ новобранцевъ Словесности.

Первымъ литературнымъ его опытомъ были, въ 1822 году, письма къ Лужницкому старцу, произведшія движеніе между сверстниками: Странный человѣкъ, Похвальное Слово невѣжеству и Дни досадъ. Въ этихъ опытахъ главною темою было обличеніе пустоты большаго свѣта, его приличій, условій, воззрѣній, воспитанія, образа мыслей, его суеты или дѣятельнаго бездѣйствія, какъ выразился молодой цензоръ,—обличеніе въ чертахъ, разумѣется, самыхъ легкихъ, скромныхъ и благоприличныхъ. Эти мысли, сдѣлавшіяся впослѣдствіи общими мѣстами, хотя и безъ большаго дѣйствительнаго вліянія, тогда были еще новы. Въ послѣдней статьѣ появились уже и сужденія о музыкѣ, съ строгимъ приговоромъ Россини. Тамъ сказано уже было, что «въ остаткахъ греческой музыки въ нашихъ церковныхъ

напѣвахъ соблюдены не только вѣрный ритмъ, но и правильное методическое расположеніе, безъ котораго музыкальная фраза, какъ недоконченное предложеніе, смысла имѣть не можетъ.» (1822. № 16, с. 307.)

Тогда же вступилъ Одоевскій и въ частное литературное безъименное общество, которое собиралось у переводчика Виргиліевыхъ Георгикъ и Тассова Іерусалима, С. Е. Раича. Тамъ прочелъ онъ намъ переводъ первой главы изъ Океновой натуральной философіи, о значеніи нуля, въ которомъ упокоеваются плюсъ и минусъ.

Мы затѣвали журналъ, и при разсужденіи о составѣ первой будущей книжки Одоевскій смѣло сказалъ: для первой книжки я напишу повѣсть. Увѣренность, съ которою произнесены были эти слова, подѣйствовала на нѣкоторыхъ изъ насъ очень сильно: каковъ Одоевскій! прямо, такъ-таки и говоритъ, что напишетъ повѣсть: стало быть, онъ надѣется на себя!

Журналъ нашъ впрочемъ не состоялся. Полевой, ободренный княземъ Вяземскимъ, задумалъ уже тогда Телеграфъ, а Одоевскій, познакомясь съ Кюхельбекеромъ, объявилъ въ слѣдующемъ году объ изданіи Мнемозины, альманаха въ 4 книгахъ.

Въ Мнемозинѣ обѣщались участвовать Пушкинъ, Грибоѣдовъ и Денисъ Давыдовъ. Пушкинъ, какъ товарищъ Кюхельбекера, украсилъ Мнемозину Посланіемъ къ морю и Демономъ, двумя блистательными изъ его стихотвореній. Грибоѣдовъ принялъ участіе по родству и музыкальной связи съ Одоевскимъ, который въ возникшей въ Москвѣ полемикѣ о Горѣ отъ ума сталъ на сторонѣ его почитателей, съ княземъ Вяземскимъ во главѣ,—а между противниками самые горячіе были Дмитріевъ и молодой, остроумный Писаревъ, вышедшій изъ пансіона за годъ до Одоевскаго. Дождь эпиграммъ, одна другой острѣе, съ участіемъ С. А. Соболевскаго, пролился съ обѣхъ сторонъ. Въ Мнемозинѣ Грибоѣдовъ напечаталъ впрочемъ только одинъ псаломъ. Денисъ Давыдовъ далъ отрывки изъ своихъ записокъ, князь Шаховской изъ комедіи своей Аристофанъ. Шевыревъ напечаталъ переводъ Лукіанова разговора «Тимонъ или мизантропъ» съ греческаго, Кюхельбекеръ письма о Германіи, Франціи и Италіи, и примѣчательную статью о направленіи нашей поэзіи, гдѣ явился смѣлымъ гонителемъ современныхъ элегій и посланій.

Кн. Одоевскій выступилъ съ повѣстями, аллегоріями и апологами, очень легко и остро разсказанными, и прочтенными съ удоволь-

ствіемъ, но главный его вкладъ—нѣсколько статей о философіи. Статьи его отличались примѣчательной ясностью изложенія, и заставляли ожидать многаго отъ молодаго любомудра, какъ онъ называлъ себя. Онъ затѣвалъ тогда даже словарь для исторіи философіи.

Въ Мнемозинѣ началась литтературная война Москвы съ Петербургомъ, которую послѣ нея продолжалъ Московскій Вѣстникъ, и грозныя посланія Одоевскаго къ Булгарину и Гречу составляли новое явленіе въ нашей журналистикѣ.

Вооруженный положеніями Шеллинговой философіи, Одоевскій,—страшно было тогда выговорить,—осмѣлился выступить и противъ Риторики и Піитики Мерзлякова, упрекнулъ его печатно въ отрицаніи законовъ для изящнаго, полагая, что самъ узналъ уже ихъ въ новой системѣ! Студенты, услышавъ такой упрекъ, упрекъ Мерзлякову, только-что переглядывались между собою въ недоумѣніи, чувствовали нѣкоторую справедливость упрековъ, но осуждали единодушно нескромное посягательство на славу любимаго учителя.

Мнемозина, не смотря на свои достоинства,—новизну и разнообразіе,—не оказала однакоже большаго вліянія на общество, и издатели едва могли кончить послѣднюю часть

уже въ 1825 году, но впечатлѣніе, произведенное ею въ молодежи, имѣло значеніе, и Одоевскій возбудилъ надежды.

Во все это время, т.-е въ 1823, 4, 5, годахъ, онъ былъ совершенно погруженъ въ философію, и вмѣстѣ пристрастился къ сочиненіямъ мистиковъ среднихъ вѣковъ,—химиковъ и алхимиковъ, физиковъ и метафизиковъ. Слушзя его, нельзя было не подумать, что еслибъ родился онъ въ средніе вѣка, то вѣрно сдѣлался бы самымъ ревностнымъ ученикомъ Парацельза и пошелъ бы съ полною готовностію на костеръ съ Саванаролою.

Тогда уже собирались по вечерамъ къ Одоевскому юноши, любители наукъ, которыхъ онъ отыскивалъ; такъ, напримѣръ, отыскалъ онъ Максимовича и ввелъ въ свой литературный кругъ.

Жилъ онъ въ Газетномъ переулкѣ, противъ нынѣшней гостинницы Шевалье, въ домѣ своего родственника, князя Петра Ивановича Одоевскаго, * котораго племянница Варвара Ивановна была за мужемъ за Сергѣемъ Степановичемъ Ланскимъ.

Двѣ тѣсныя каморки молодаго Фауста подъ подъѣздомъ были завалены книгами—фоліан-

* Этотъ князь Одоевскій пожертвовалъ болѣе тысячи душъ на учрежденіе богадельни, въ окрестностяхъ Москвы, и устроилъ пріютъ Даріинскій въ Москвѣ, въ память о своей дочери, бывшей за Графомъ Кенсона.

тами, квартантами и всякими октавами,—на столахъ, подъ столами, на стульяхъ, подъ стульями, во всѣхъ углахъ,—такъ что пробираться между ними было мудрено и опасно. На окошкахъ, на полкахъ, на скамейкахъ,—стклянки, бутылки, банки, ступы, реторты и всякія орудія. Въ переднемъ углу красовался человѣческій костякъ съ голымъ черепомъ на своемъ мѣстѣ и надписью: sapere aude. Къ какимъ ухищреніямъ должно было прибѣгнуть, чтобъ помѣстить въ этой тѣснотѣ еще фортепіано, хоть и очень маленькое, теперь мудрено уже и вообразить! Это могъ сдѣлать только Одоевскій съ своими изобрѣтательными способностями въ этомъ родѣ. Короче, каморка его была миніатюрою того послѣдняго кабинета, обширнаго, но еще болѣе загроможденнаго, въ которомъ мы всѣ проводили такъ недавно, по пятницамъ, вечеромъ, столько пріятныхъ и добрыхъ часовъ въ гостяхъ у любезнаго хозяина, уже престарѣлаго!

Въ 1826 году Одоевскій переѣхалъ на житье въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и нашелъ себѣ подругу, которая сдѣлалась его добрымъ геніемъ, попечительницей, хранительницей, кормилицей—во все продолженіе жизни до той минуты, когда вылетѣлъ послѣдній вздохъ изъ его груди.

Служба отвлекла Одоевскаго на нѣсколько времени отъ обыкновенныхъ занятій, — потомъ большой свѣтъ, куда онъ долженъ былъ вступить и по родству и по связямъ. Но въ сущности онъ оставался тѣмъ же, чѣмъ и былъ въ Москвѣ; всѣ досуги посвящались философіи, литературѣ и музыкѣ. На первыхъ порахъ онъ сблизился съ Веланскимъ, который поддерживалъ его жаръ къ наукѣ наукъ.

Ва нашемъ Московскомъ Вѣстникѣ принималъ живое участіе и прислалъ въ 1827 г. восточную повѣсть, которая обратила на себя вниманіе Пушкина.

Къ слѣдующимъ десяти годамъ 1830—1840 относятся почти всѣ главныя литературныя произведенія князя Одоевскаго. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ: Севастіанъ Бахъ, Послѣдній квартетъ Бетговена, Бригадиръ, Насмѣшка мертваго, Балъ.... Высокое значеніе жизни, сознаніе человѣческаго достоинства, призывъ къ благороднымъ умственнымъ занятіямъ, указаніе идеаловъ добра, науки, просвѣщенія, а съ другой стороны изображеніе свѣтской пустоты, превратнаго воспитанія, плачевныхъ слѣдствій невѣжества, противорѣчій общественнаго мнѣнія, — вотъ въ разныхъ образахъ предметы всѣхъ разсказовъ, апологовъ, аллегорій, повѣстей и

отрывковъ. Любовь къ человѣчеству одушевляла автора; чувствомъ и убѣжденіемъ проникнута всякая его строка; многія описанія возвышаются часто до поэзіи. Языкъ вездѣ правильный и чистый, вездѣ разсыпаны блестки остроумія; воображеніе гуляетъ на просторѣ,—но наклонность къ чудесному, сверхъестественному, необыкновенному, исключительному, выходитъ иногда изъ границъ, и приводитъ читателя въ недоумѣніе.

Это въ особенности должно сказать о Пестрыхъ сказкахъ, которыя Одоевскій издалъ еще въ 1833 году, — здѣсь преобладаетъ рѣшительно характеръ фантастическій, почерпнутый преимущественно изъ любимыхъ квартантовъ среднихъ вѣковъ въ пергаментномъ переплетѣ. Въ тридцатыхъ годахъ, можетъ быть, мы и понимали ихъ и забавлялись, но теперь уже мудрено разобрать, что́ хотѣлъ сказать ими замысловатый авторъ.

Впрочемъ въ нихъ разсыпано много забавныхъ и острыхъ вещей, и вездѣ сквозятъ основныя его мысли и вѣрованія. *

Въ разсказѣ «Какъ опасно дѣвушкамъ ходить толпою по Невскому проспекту», авторъ очень живо и остро представилъ всѣ нелѣ-

---

* См. въ приложеніяхъ.

пости женскаго воспитанія и печальныя его послѣдствія, что въ современной журналистикѣ выставляется какою-то новостію!

Забавна сказка о томъ, «По какому случаю коллежскому совѣтнику Ивану Богдановичу Отношенію не удалось въ Свѣтлое Воскресенье поздравить своихъ начальниковъ съ праздникомъ».

Напечаталъ Одоевскій Пестрыя сказки не безъ своеобразной выходки: онъ придумалъ, по примѣру Испанцевъ, предъ всякою вопросительною рѣчью, которая въ концѣ своемъ означается знакомъ вопроса, поставить еще впереди знакъ вопроса, только на выворотъ.

Полное собраніе его сочиненій въ трехъ частяхъ вышло въ 1844 году.

По желанію членовъ Общества я прочту изъ нихъ нѣсколько отрывковъ, чтобъ познакомить слушателей съ воззрѣніями Одоевскаго и литературными пріемами того времени. *

Съ тѣхъ поръ какъ Одоевскій началъ жить въ Петербургѣ своимъ хозяйствомъ, открылись у него вечера, однажды въ недѣлю, гдѣ собирались его друзья и знакомые,—литераторы, ученые, музыканты, чиновники. Это было оригинальное сборище людей разнородныхъ, часто даже между собою непріяз-

* См. въ приложеніяхъ.

ненныхъ, но почему-либо замѣчательныхъ. Всѣ они, на нейтральной землѣ. чувствовали себя совершенно свободными, и относились другъ къ другу безъ всякихъ стѣсненій. Здѣсь сходились веселый Пушкинъ и отецъ Іакинѳъ съ китайскими, съузившимися глазками, толстый путешественникъ, тяжелый Нѣмецъ — баронъ Шиллингъ, возвратившійся изъ Сибири, и живая, миловидная графиня Ростопчина, Глинка и профессоръ химіи Гессъ, Лермонтовъ и неуклюжій, но многознающій археологъ Сахаровъ. Крыловъ, Жуковскій и Вяземскій были постоянными посѣтителями. Здѣсь впервые явился на сцену большаго свѣта и Гоголь, встрѣченный Одоевскимъ на первыхъ порахъ съ дружескимъ участіемъ. Безпристрастная личность хозяина дѣйствовала на гостей, которые становились и добрѣе и снисходительнѣе другъ къ другу.

Музыка оставалась любимымъ предметомъ его занятій, трудовъ и бесѣдъ,—и было съ кѣмъ ему дѣлить свои мысли объ этомъ дорогомъ для него искусствѣ: Глинка былъ самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ, графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій, братъ его графъ Матвѣй Юрьевичъ, Даргомыжскій, а послѣ Сѣровъ, знатоки, любители и сочинители,

были постоянными собесѣдниками. Жизнь за Царя разыграна вся въ его кабинетѣ. Русланъ и Людмила также.

—

Служба Одоевскаго началась во 2 отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, подъ начальствомъ графа Блудова, гдѣ онъ участвовалъ въ сочиненіи цензурнаго устава. Потомъ перешелъ онъ къ барону Корфу, и сдѣланъ его помощникомъ по управленію публичною библіотекою, и наконецъ директоромъ Румянцевскаго музея. Тогда обратился къ библіографіи, которою впрочемъ и прежде любилъ заниматься.

—

Въ первыхъ пятидесятыхъ годахъ онъ началъ заниматься ревностнѣе естественными науками, особенно химіею, и устроилъ у себя съ нѣкоторыми изъ пріятелей публичныя чтенія Гесса. Телеграфы, локомобили, пароходы, заняли въ особенности Одоевскаго. Всякое новое открытіе въ области физики привлекало его вниманіе, и онъ пускался въ разныя предположенія о примѣненіяхъ его къ жизни, предпринималъ самъ иногда новые опыты.

Послѣ естественныхъ наукъ обратился онъ къ дидактикѣ и педагогіи и издалъ книжку для первоначальнаго чтенія.

—

Въ послѣднихъ пятидесятыхъ годахъ устроилъ онъ общество посѣщенія бѣдныхъ, и весь предался этому новому дѣлу. Литературѣ филантропической посвятились всѣ его досуги: онъ читалъ, говорилъ и писалъ объ этомъ предметѣ. Время это считаютъ самымъ лучшимъ въ жизни Одоевскаго, гдѣ онъ не только дѣйствовалъ отвлеченно, мыслію и словомъ, но дѣйствовалъ и въ настоящемъ смыслѣ этого слова, приносилъ много пользы, дѣлалъ много положительнаго добра, привлекая пожертвованія, возбуждая молодежь, соединяя всѣ частныя усилія,—бывъ, однимъ словомъ, душею благодѣтельнаго учрежденія.

—

Въ 1862 году Одоевскій былъ назначенъ сенаторомъ въ Москву, и друзья, въ небольшомъ обществѣ, человѣкъ пять или шесть, встрѣтили его обѣдомъ, мая 24, на которомъ за заздравнымъ бокаломъ было сказано:

«Старикъ любезный, Горацій, воспѣвалъ:

Otium divos rogat patenti
Prensus Aegeo, simul atra nubes
Condidit lunam.

(Въ переводѣ Дмитріева:

Покоя проситъ у боговъ пловецъ,
Застигнутый въ Егейскомъ бурномъ морѣ.)

Нашему доброму другу не однажды случалось испытать бурю: сорокъ почти лѣтъ утлая

ладья его носилась, погрязая, по страшному Петербургскому болоту, на которомъ бури бушуютъ, однакожъ, грознѣе равноденственныхъ. Поблагодаримъ же боговъ, которые привели его наконецъ къ родимымъ берегамъ, гдѣ онъ можетъ восклицать съ нами: къ тихому пристанищу притекохъ...

Почтимъ и твердость, съ которою онъ оттолкнулъ отъ себя обаятельную Невскую Калипсу, и доказалъ торжественно свою вѣрность нашей матушкѣ Москвѣ.

Да, онъ нашъ, природный Москвичь, Москвитянинъ и даже Московскій вѣстникъ, со всѣми нашими, для другихъ странными, для насъ любезными, отпечатками, со всѣми нашими родимыми пятнами.

Давно ли прочитали мы въ Вѣстникѣ Европы его «Дни досадъ», съ новыми новинками, первыми Московскими хмѣлинками.

Давно ли извѣщалъ онъ тамъ же общество о сочиненіяхъ Бахмана и Сольгера, и просилъ у руки «метавшей бисеръ» статей о Шеллинговой философіи?

Да издалъ ли онъ 4-ю часть Мнемозины, начатую съ Вильгельмомъ Кюхельбекеромъ?

(Одинъ изъ присутствовавшихъ, библіографъ М. Н. Лонгиновъ, засвидѣтельствовалъ, что четвертая часть въ свѣтъ вышла).

По крайней мѣрѣ, помнится мнѣ, она запаздывала долго! За то первая глава, изъ Океновой натуральной философіи о нулѣ, какъ родоначальникѣ всѣхъ плюсовъ и минусовъ, прочтенная въ Раичевскомъ обществѣ, осталась и послѣднею, что можетъ засвидѣтельствовать нашъ бывшій, кажется, тогда секретарь, Николай Васильевичъ Путята.

Давно ли все это было? кажется недавно. А въ самомъ дѣлѣ давно, очень давно, почти сорокъ лѣтъ, и вотъ мы уже старики, которыхъ молодое поколѣніе честитъ отсталыми. Мы въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, отстали во многихъ отношеніяхъ отъ нихъ, отъ *современниковъ*, но мы любимъ, по прежнему любимъ, съ жаромъ первой молодости, и словесность, и науку, и искусство, и просвѣщеніе. Выпьемъ же, друзья, pour nos premières amours, за Русскую словесность, за науку, за искусство, за просвѣщеніе!»

—

Здѣсь, въ Москвѣ, на службѣ въ Сенатѣ, Одоевскій долженъ былъ заняться юриспруденціей, и изучать сводъ законовъ. Признаюсь, мы не надѣялись на успѣхъ, но бывшій оберъ-прокуроръ его департамента, К. П. Побѣдоносцевъ, свидѣтельствуетъ теперь, что онъ работалъ усердно, и былъ однимъ изъ вни-

мательныхъ и дѣятельныхъ сенаторовъ. Мнѣ случилось попросить его о покровительствѣ дѣлу нашего любезнаго поэта Фета о какой-то мельницѣ, которую у него отнималъ, или на которой запрещалъ ему молоть, привязчивый сосѣдъ,—и Одоевскій чрезъ нѣсколько времени на вопросъ о ходѣ дѣла прочелъ мнѣ цѣлую лекцію о паденіи воды, и размѣрилъ вершками, что жалоба на Фета была несправедлива.

Послѣ него осталось нѣсколько фоліантовъ съ собственноручными описаніями рѣшенныхъ съ его участіемъ сенатскихъ дѣлъ.

Въ Москвѣ, также какъ въ Петербургѣ, тотчасъ устроились у него вечера по пятницамъ, гдѣ собирались его друзья, новые знакомые и сослуживцы, всѣ путешественники, особенно музыканты.

Старые товарищи, которыхъ осталось уже наперечетъ, имѣли всегда проѣздомъ у него свое свиданіе, и жили вмѣстѣ какъ будто старою-молодою жизнію.

Изобрѣтенія, придумыванія разныхъ удобствъ, облегченій, продолжались по прежнему,—въ областяхъ акустики, гастрономіи, домашней жизни: какъ топить печки, жарить кофе, имѣть подъ рукою нужныя книги, увеличивать силу звука.

—

Мы видѣли, что Одоевскій, можетъ быть по природѣ своихъ способностей, или повинуясь требованіямъ обстоятельствъ, въ которыхъ находился, мѣнялъ часто предметы своихъ занятій: литература, философія, химія, педагогика, библіографія, филантропія, юриспруденція, попеременно привлекали къ себѣ его вниманіе, — но постоянною спутницею его была музыка.

Одоевскій прочелъ въ Москвѣ нѣсколько лекцій о музыкѣ для своихъ пріятельницъ,— потомъ издалъ свои основанія съ цѣлію просвѣтить профановъ. Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ растолковать имъ правила гармоніи, но увы! большею частію безъ успѣха, по крайней мѣрѣ я долженъ былъ признаваться ему, что не смотря на всѣ его объясненія, изустныя и печатныя, я ничего не понимаю, и онъ махалъ рукою, все-таки при всякомъ случаѣ возобновлялъ свои объясненія и спрашивалъ: понимаешь ли? Нѣтъ, не понимаю!

Древняя наша церковная музыка сдѣлалась исключительнымъ предметомъ его занятій и изслѣдованій. Онъ собиралъ древніе стихирари, пѣвческія книги, разбиралъ крюки, и наслаждался своими открытіями, вмѣстѣ съ

достойными своими сотрудниками, отцемъ Разумовскимъ и г. Н. М. Потуловымъ. Обѣдня, пропѣтая по древнему въ приходѣ Егорія на-Всполье, была эпохою въ исторіи нашего пѣнія, и народное, открытое или сознанное этими почтенными ревнителями музыки, было ихъ торжествомъ.

—

Кромѣ музыкальныхъ наслажденій, два событія послѣдняго времени обрадовали Одоевскаго, вмѣстѣ со всѣми его друзьями, и онъ отнесся къ нимъ съ юношескимъ восторгомъ— это уничтоженіе крѣпостнаго права и гласное судопроизводство. Онъ слѣдилъ за успѣхами судебнаго преобразованія, принималъ къ сердцу всякую удачу и неудачу его, и съ самаго начала положилъ праздновать эти событія у себя, въ кругу ихъ представителей— торжественнымъ ужиномъ, наканунѣ 19 февраля,—и тогда отъ души провозглашалъ онъ тостъ Государя Императора.

Въ запрошломъ году, провожая меня, съ сенаторомъ Колюбакинымъ, новымъ нашимъ общимъ знакомцемъ, онъ сказалъ намъ: Смотрите же, я ожидаю васъ въ слѣдующемъ году!—Будемъ, будемъ, отвѣчали мы, но Колюбакинъ въ слѣдующемъ, то-есть нынѣш-

немъ году, уже не пришелъ, отшедшій далече! Въ нынѣшнемъ году Одоевскій также проводилъ гостей, и прощаясь говорилъ по обыкновенію: Смотрите же, до слѣдующаго года,—но чрезъ двѣ недѣли его не стало, и торжественнаго ужина у князя Одоевскаго уже не будетъ въ слѣдующемъ году!...

Такъ невѣрно все на нашей землѣ!

—

Мы представили краткое обозрѣніе жизни Одоевскаго съ различными ея фазисами: онъ во всѣхъ этихъ фазисахъ оставался однимъ и тѣмъ же,—мы должны теперь говорить о немъ, собственно какъ о человѣкѣ,—всегда спокойный, тихій, умѣренный, кроткій, доброжелательный, готовый на всякія услуги, принимавшій съ удовольствіемъ всякія, даже докучныя просьбы. Онъ никогда не сердился, и намѣреніе раздразнить его никогда ни у кого не имѣло успѣха. Отроду не сказалъ онъ ни объ комъ ни одного дурнаго слова, развѣ шуткою. Отроду никого не обидѣлъ, не оскорбилъ, не огорчилъ, и не отказалъ никому ни въ какой просьбѣ, кромѣ разумѣется случаевъ совершенно невозможныхъ.

Долго думалъ я, какъ бы характеризовать короче и яснѣе Одоевскаго, и вспомнилъ одно слово, пущенное въ ходъ Наблюдателями

тридцатыхъ годовъ, надъ которымъ много смѣялись мы по его искусственному составленію, но оно именно можетъ быть употреблено кстати, говоря объ Одоевскомъ: «прекраснодушіе.»

Не правда ли, слушатели, произнося эти странные звуки «прекраснодушіе,» — вы уразумѣваете, чтó я хотѣлъ ими выразить о свойствахъ кн. Одоевскаго, и воображаете его живо, а это только и нужно.

Мнѣ остается скорбная обязанность передать свѣдѣнія о послѣднихъ его часахъ.

Недѣли за двѣ передъ кончиною онъ занимался устроеніемъ по нашей просьбѣ духовнаго концерта въ пользу Славянскаго благотворительнаго комитета, ѣздилъ на репетиціи, и написалъ ко мнѣ три длинныхъ письма о всѣхъ подробностяхъ распоряженія. Въ послѣднее воскресенье, передъ кончиной, мы были съ нимъ вмѣстѣ на публичной лекціи о физикѣ у профессора Любимова, которыя онъ очень цѣнилъ,—и разговаривали спокойно о послѣднихъ новостяхъ.

Вечеромъ кн. Одоевскій прослушалъ еще лекцію у П. А. Безсонова о русскихъ пѣсняхъ, но почувствовалъ себя утомленнымъ. Воротясь домой, проспалъ онъ долго. На другой день началась

икота, но непримѣтно было никакой опасности. Во вторникъ и середу онъ бесѣдовалъ еще о любимомъ своемъ предметѣ, древней музыкѣ, съ священникомъ Разумовскимъ. Икота возобновлялась. Онъ обратился по обыкновенію къ медицинскому словарю, и прочелъ статью объ этой болѣзни,—легъ спать спокойно. Ночью вдругъ сдѣлался бредъ—послышалось какое-то разсужденіе о музыкѣ,—по утру въ четвергъ стало хуже, онъ не приходилъ въ память, и въ 4 часу по полудни, 27 февраля, скончался.

Въ повѣсти своей Сильфида кн. Одоевскій говорилъ отъ имени одного изъ дѣйствующихъ въ ней лицъ, обращаясь къ другому: «ты знаешь — любознательность, или, просто сказать, любопытство есть основная моя стихія, которая мѣшается во всѣ мои дѣла, ихъ перемѣшиваетъ, и мнѣ жить мѣшаетъ; мнѣ отъ нея въ вѣкъ не отдѣлаться: все что-то манитъ, все что-то ждетъ вдали, душа рвется, страждетъ...»

Кажется—онъ говорилъ это о себѣ,—и вотъ теперь онъ тамъ, куда его, впродолженіи всей жизни, что-то манило, что-то ожидало, куда рвалась душа его, страдая...

Да упокоится же она тамъ въ мирѣ, да обрѣтетъ ту гармонію, которой искала здѣсь

съ такою ревностію, и съ такимъ постоянствомъ, — и да удовлетворится тамъ любопытство, которое здѣсь такъ мучило ее!

Прости, нашъ добрый другъ, нашъ любезный товарищъ! Мы любили и любимъ тебя искренно,—не оставляй же насъ своимъ благимъ назиданіемъ, пока мы здѣсь еще «печемся и молвимъ о мнозѣ службѣ», забывая, увы, часто, что всякую минуту можемъ умереть, и что единое есть на потребу!

М. Погодинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ

ОДОЕВСКІЙ.

КНЯЗЬ В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ.

27-го сего февраля скончался князь Владимиръ Ѳедоровичъ Одоевскій, послѣдній представитель этого знаменитаго рода Рюриковичей, и славное это имя на вѣки перешло въ лѣтописи исторіи. Во всѣхъ газетахъ появились и еще не разъ появятся разныя статьи о значеніи этой общественной утраты и о многообразныхъ заслугахъ покойнаго; поэтому, присоединять къ нимъ какія-либо біографическія или хронологическія подробности не предстоитъ ни надобности, ни даже желанія. Для насъ, близко знавшихъ покойнаго, и по тому самому глубоко и душевно уважавшихъ его, раскрывались въ немъ постоянно такія свойства его души, такія хорошія стороны его личнаго, отличительнаго характера, что за ними какъ-бы заслонялось, въ нашихъ глазахъ, то официальное, ученое и общественное положеніе, которое князь

Владимиръ Өедоровичь пріобрѣлъ въ общемъ значеніи. Эти частныя наблюденія и выводы, эта искренняя дань безусловнаго, теплаго чувства уваженія со стороны близкихъ ему людей, въ какой бы отрывочной формѣ они ни вылились, могутъ, по мнѣнію моему, служить дополненіемъ къ оффиціальнымъ некрологамъ и матеріаломъ для будущей его біографіи.

Останавливаясь съ любовью и съ неподдѣльнымъ уваженіемъ на этой симпатичной и свѣтлой личности, нельзя не воздать исключительную и полную справедливость необыкновенной *человѣчности* его натуры. Именно *человѣчности*, вполнѣ отрѣшенной отъ всякой примѣси свѣтскихъ, аристократическихъ, общественныхъ, и какихъ бы то ни было вліяній. И самъ онъ всегда, вездѣ и со всѣми былъ исключительно и только *человѣкъ*, и въ другихъ признавалъ и чтилъ лишь одно человѣческое достоинство въ высшемъ значеніи этого слова. Знаменитостью своего рода, своимъ придворнымъ и официальнымъ званіемъ, по своимъ связямъ и отношеніямъ, онъ безспорно принадлежалъ къ самому высшему кругу; но это исключительное положеніе служило единственно къ ому, чтобы придать его природному благо-

душію болѣе утонченную, изящную форму и всѣмъ его пріемамъ какое-то ясное спокойствіе и достоинство. Въ домѣ его и въ особенности въ его завѣтномъ кабинетѣ всѣ были *равны*,—въ буквальномъ смыслѣ этого слова: вельможи и артисты, ученые и художники, чиновники, мастеровые, старики и молодые—всѣ одинаково подпадали немедленно подъ безпристрастный уровень его радушія и доброжелательнаго вниманія. Всѣ чувствовали себя какъ *дома*, даже часто лучше чѣмъ дома, потому что всѣ ихъ отличительныя свойства, ихъ таланты, познанія, дарованія, вызывались наружу, оцѣнялись по достоинству и заслуживали одобреніе и нравственную поддержку.—Преклоняясь самъ съ какимъ-то благоговѣніемъ, съ какимъ-то почти ребячливо-восторженнымъ увлеченіемъ передъ всякимъ явленіемъ науки и творчества, передъ малѣйшимъ новымъ открытіемъ, къ какой бы области мышленія оно ни принадлежало, князь Владиміръ Ѳедоровичь съ такимъ же чувствомъ чистой радости привѣтствовалъ подобное настроеніе и въ другихъ, къ какому бы сословію или слою общественному ни принадлежалъ этотъ собратъ его по мысли и чувству. Если еще можно было подчасъ уловить какой-либо оттѣнокъ въ его обращеніи съ людьми, то

онъ склонялся въ пользу тѣхъ, кто по мнѣнію его заслуживалъ бо́льшихъ правъ на званіе человѣка, какъ ученый, или художникъ, или даже просто какъ спеціалистъ по какому-бы то ни было особому занятію. Тогда онъ съ невинною и простодушною хитростью выпроваживалъ въ гостинную и безучастныхъ вельможъ, и свѣтскихъ знакомыхъ, и съ наслажденіемъ возвращался въ свой кабинетъ къ своимъ любимцамъ, труженикамъ, и съ юношескимъ жаромъ предавался съ ними наукамъ, искусствамъ, всякимъ опытамъ и наблюденіямъ. Пытливость его ума, жажда знанія, вѣра въ науку и во всеобъемлющую силу ума человѣческаго, были поистинѣ непостижимы; все его интересо́вало, заботило и увлекало. Кабинетъ его носилъ рѣзкій отпечатокъ этой особенности его натуры; его можно было назвать скорѣе какимъ-то музеемъ, чѣмъ обыкновеннымъ пріютомъ отдохновенія и комфорта. Книги, рукописи, органы, инструменты, насѣкомыя въ банкахъ, растенія, все стекалось въ этомъ любимомъ его святилищѣ знанія и свидѣтельствовало о безсонныхъ ночахъ, о годахъ, проведенныхъ въ непрестанномъ трудѣ и занятіяхъ. Достойно замѣчанія, что подобное и исключительное служеніе наукѣ и искусству нисколько не

вредило теплымъ, задушевнымъ свойствамъ его мягкой природы; напротивъ того, чѣмъ болѣе онъ предавался любимымъ занятіямъ, тѣмъ болѣе былъ доволенъ собою, а слѣдовательно и всѣмъ его окружающимъ. Кротость, незлобивость его характера поистинѣ были изумительны: въ отношеніяхъ служебныхъ, въ кругу друзей и товарищей по литературѣ, онъ вносилъ съ собою такой умиротворяющій элементъ, что побѣждалъ этимъ всякую возможность неудовольствія и несогласія. Онъ такъ искренно и добродушно смѣялся самъ при всякомъ удачномъ намекѣ и острой шуткѣ надъ оригинальными проявленіями собственнаго своего характера, что обезоруживалъ немедленно всякій порывъ недоброжелательства или сарказма. Въ благоговѣйной памяти къ тому смиренію и той скромности, которыя всегда сопровождали его добрыя дѣла, мы не позволяемъ себѣ поднять завѣсу, скрывающую отъ всеобщаго вѣдѣнія всѣ многочисленныя проявленія его благодѣяній и истинно-христіанскаго милосердія. Всякое благотвореніе, въ какомъ бы видѣ оно ни высказывалось, находило въ немъ постоянно усерднаго поборника и щедраго участника.

Словомъ, князь Владиміръ Ѳедоровичь Одоевскій былъ вполнѣ свѣтлымъ явленіемъ своего времени и оставилъ по себѣ такую же свѣтлую, чистую и добрую память. Достойно завершилъ онъ собою вереницу дѣятелей знаменитаго своего рода и стяжалъ себѣ на вѣки имя благороднаго, высоко честнаго дѣятеля общественнаго, а въ болѣе тѣсномъ кругу его друзей—имя хорошаго и вполнѣ достойнаго человѣка.

Ѳ. Тимирязевъ.

ЕЩЕ НА ПАМЯТЬ

О КНЯЗѢ ВЛАДИМИРѢ ѲЕДОРОВИЧѢ

ОДОЕВСКОМЪ.

ЕЩЕ НА ПАМЯТЬ

О князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ.

Князя Одоевскаго нѣтъ.... Сколько есть людей, которымъ будетъ больно въѣзжать въ Москву съ этою мыслью, сколько людей на склонѣ жизни, которые почувствуютъ, что съ кончиной князя пропало еще одно живое звено, соединявшее для нихъ настоящую пору со свѣжею порой прожитой молодости! У многихъ, безъ сомнѣнія, при извѣстіи о томъ, что имя князя вычеркнуто изъ списка живущихъ, цѣлымъ роемъ проснутся въ душѣ живыя воспоминанія, съ которыми образъ его связанъ.

Мои воспоминанія о немъ не идутъ далеко, но и мнѣ хочется сказать слово о немъ, потому что онъ мнѣ представлялся однимъ изъ добрыхъ, милыхъ людей, которыхъ память благоухаетъ. Я сблизился съ нимъ по должности оберъ-прокурора въ 8-мъ департаментѣ,

гдѣ покойный князь въ то же время занималъ должность первоприсутствующаго сенатора. Вмѣстѣ съ нимъ мы работали непрерывно полтора года, и трудно себѣ представить человѣка болѣе добросовѣстнаго въ трудѣ, за какой бы трудъ онъ ни брался. На старости судьба его поставила на новое, совсѣмъ до того времени незнакомое ему дѣло судьи, и онъ принялся за него съ юношескимъ жаромъ. Все онъ хотѣлъ знать, во всемъ водворить порядокъ, обо всемъ разспрашивалъ, все выслушивалъ терпѣливо и внимательно. Его наклонность къ порядку, къ систематизаціи вошла въ пословицу; въ сенатскомъ дѣлѣ, посреди путаницы бумагъ и производствъ, онъ стремился водворить порядокъ, и забота объ этомъ не покидала его съ утра до вечера. Всякая неисправность волновала его; всякая безграмотность его тревожила; не по силамъ не только его, но и всякаго другаго было одолѣть въ борьбѣ съ безпорядками и неисправностями посреди бумажной массы, но онъ никогда не унывалъ въ этой борьбѣ, и всякій день возобновлялъ ее съ новою надеждой. Въ душѣ у него много было юношескаго жару, и никакія матеріальныя затрудненія его не устрашали. Каждое утро, въ 10 часовъ, раньше всѣхъ являлся онъ въ

сенатъ, и вслѣдъ за нимъ являлся огромный портфель его, въ родѣ ларца или чемодана, съ дѣлами и съ записными книгами, которыя велъ онъ съ безпримѣрною аккуратностью и терпѣніемъ, отмѣчая въ нихъ ходъ каждаго производства и всѣ его особенности. Надолго еще, по окончаніи присутствія, князь оставался въ сенатѣ, занимаясь чтеніемъ сенатскихъ журналовъ и объясненіями съ дѣлопроизводителями. Не рѣдко до вечеренъ просиживали мы съ нимъ въ присутственной комнатѣ, прерывая иногда дѣловыя занятія пріятною бесѣдой. Князь любилъ говорить особенно о философіи, о литературѣ, о естественныхъ наукахъ. Онъ много читалъ въ своей жизни, много имѣлъ разнообразныхъ свѣдѣній, со многими предметами былъ знакомъ специяльно по собственному опыту.

Судебное дѣло очень занимало его. Съ особеннымъ сочувствіемъ, съ горячими надеждами, свойственными только юношескому пылу, встрѣтилъ онъ первые начатки судебной реформы и вѣрилъ безусловно въ благодѣтельное дѣйствіе основныхъ началъ ея. Какъ онъ радовался, когда въ сенатѣ допущена была гласность производства со словесными состязаніями тяжущихся! Какъ заботился приспособить внѣшнюю обстановку присутствія

къ новому порядку! До послѣднихъ дней жизни, несмотря на ослабленіе силъ, оставался онъ первоприсутствующимъ въ сенатѣ, и продолжалъ свою дѣятельность съ тѣмъ же неизмѣннымъ усердіемъ и постоянствомъ въ такую пору, когда у всякаго, кромѣ его, можетъ быть опустились бы руки. Въ московскихъ департаментахъ сената, обреченныхъ уже на скорое упраздненіе, настала пора безлюдья и унынія; и князь не менѣе другихъ скорбѣлъ о томъ, что въ рукахъ послѣднихъ дѣятелей распадается воспитавшее ихъ учрежденіе; но онъ не терялъ духа и работалъ по прежнему, ободряя усердно послѣднихъ работниковъ... Я убѣжденъ, что теперь, когда его ужъ нѣтъ, отсутствіе его въ московскомъ сенатѣ будетъ очень ощутительно; пожалѣютъ о немъ и тѣ, кто, можетъ быть, въ прежнее время тяготился его неизмѣнною аккуратностью въ мелочахъ и стараніемъ приводить все въ систему и порядокъ.

Князь былъ истино-добрый человѣкъ: всякая нужда трогала его сердце и вызывала въ немъ сочувствіе и желаніе пособить; съ особеннымъ усердіемъ принимался онъ хлопотать, когда встрѣчалъ молодаго человѣка, остававшагося безъ должности, безъ занятія. Въ немъ не было ничего похожаго на ту стар-

ческую усталость, которая боязненно отбивается отъ всего новаго и упорно замыкается въ настоящемъ положеніи, всячески его оправдывая. Онъ стремился всегда впередъ отъ стараго къ новому, отъ застоя къ движенію: сколько разъ молодыхъ людей, упадавшихъ духомъ отъ усталости и отчаянія, возбуждалъ онъ и ободрялъ своею невозмутимою вѣрой! Хоть онъ и любилъ иногда выставлять себя скептикомъ, но въ сущности былъ идеалистомъ и въ завѣтныя идеи человѣчества вѣровалъ до конца со всею свѣжестью юношескаго вѣрованія.

Кабинетъ его былъ одинъ изъ тѣхъ тихихъ, пріютныхъ уголковъ, которые такъ отрадно вообразить себѣ, когда думаешь о Москвѣ. Трудно себѣ представить комнату, которая въ такой полнотѣ отвѣчала бы личности своего хозяина. Все, чѣмъ когда-либо занимался покойный князь въ своей жизни—а предметы его занятій были крайне многообразны—все оставило по себѣ слѣды въ этомъ кабинетѣ: и работа вчерашняго дня, и работа за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ оконченная или покинутая. Работы его не всегда были работой делеттанта: онъ любилъ, когда примется за дѣло, доходить до глубины, изучать въ немъ все—отъ идеи до самаго мелкаго техниче-

скаго пріема. Онъ любилъ сравнивать себя съ Нѣмцемъ, и когда бывало, добрый пріятель, войдя въ кабинетъ, встрѣтитъ въ немъ улыбкою какую-нибудь новую вещь, свидѣтельствующую о новой работѣ князя, — князь съ довольною улыбкой повторяетъ поговорку, кѣмъ-то когда-то о немъ сказанную: *У нашего Нѣмца на все струментъ есть.* Близко знакомый съ техникой многихъ наукъ въ приложеніи къ практическимъ потребностямъ жизни, онъ любилъ дѣлать опыты надъ новыми изобрѣтеніями, и особенно бывалъ доволенъ, когда ему удавалось что-нибудь съ успѣхомъ испробовать у себя на опытѣ, или приложить къ потребности своей или своихъ знакомыхъ: любилъ объяснять непризваннымъ, профанамъ, секреты и общія начала какой-нибудь мудреной техники. Конечно, онъ часто увлекался, но увлеченія его были всегда достойны уваженія, потому что въ нихъ всегда высказывалось горячее желаніе принесть пользу обществу, удовлетворить общественной нуждѣ или потребности, водворить порядокъ, искоренить зло. Увлекаясь въ эту сторону, онъ казался иногда наивнымъ юношей или младенцемъ по идеальности воззрѣнія, по горячности негодованія, по внезапности, съ которою возникала въ немъ вѣра въ успѣхъ того, въ чемъ разо-

чарованный собесѣдникъ не видѣлъ мѣста надеждѣ на успѣхъ; но отъ этой вѣры дышало свѣжестью добраго, неувянувшаго желанья. Одною изъ самыхъ завѣтныхъ его заботъ была забота о народномъ образованіи, и всего крѣпче вѣрилъ онъ въ просвѣтительную силу мысли, въ могущество знанія. На этомъ полѣ онъ работалъ не мало, и прекраснымъ памятникомъ этой работы осталась теперь уже полузабытая, но сохранившая свою цѣну книжка *Сельское чтеніе*, изданная въ 40-хъ годахъ покойнымъ княземъ съ участіемъ другихъ ревнителей народнаго образованія. Въ этой книжкѣ самому князю принадлежитъ не мало статей, весьма хорошо приноровленныхъ къ цѣли.

Въ печати уже появился, хотя и неполный, списокъ *дѣлъ* покойнаго князя, которыми онъ заявилъ себя въ литературѣ и на службѣ государственной. Все это—факты для исторіи литературы, для исторіи образованія въ Россіи. Но не этотъ списокъ дорогъ для многочисленныхъ друзей кн. Одоевскаго. Для нихъ дорогъ тотъ нравственный образъ, который связанъ съ именемъ любимаго человѣка. Живые люди, такъ же какъ тѣла небесныя, держатся силою взаимнаго тяготѣнія. Около одной души обращаются, грѣются, принимаютъ и

даютъ силу, радуются и печалятся другія души, съ нею сродственныя, тяготѣющія къ ней. Міръ нравственный, такъ же какъ и физическій міръ, не устоялъ бы, когда бы этой силы въ немъ не было. Отъ того, когда умираетъ человѣкъ, вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ извѣстная, связанная со всею его жизнію, сила притяженія, исчезаетъ изъ цѣлой группы людей, которыхъ жизнь болѣе или менѣе соприкасается съ его жизнію. Благо человѣку, когда эта сила въ немъ была силою любви, созидающею и согрѣвающею. Друзьямъ покойнаго князя не нужно перечислять дѣла его: для нихъ вся *его жизнь* была добрымъ явленіемъ *въ ихъ жизни*, и безъ него у нихъ въ жизни пусто становится.

К. Побѣдоносцевъ.

Петербургъ.

ВОСПОМИНАНІЕ

О КНЯЗѢ ВЛАДИМИРѢ ѲЕДОРОВИЧѢ ОДОЕВСКОМЪ.

ВОСПОМИНАНІЕ

О князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ.

Неумолимо-стремительно несется потокъ времени, и въ каждомъ его брызгѣ исчезаетъ жизнь человѣка. Не успѣли мы помянуть добраго товарища, какъ другой ужь отлетѣлъ въ вѣчность; не успѣли мы свыкнуться съ признакомъ жизни, какъ онъ уступаетъ ужь мѣсто туманной дѣйствительности смерти. И каждый разъ смерть застаетъ насъ врасплохъ, какъ будто неожиданность, несправедливость и обида; каждый разъ спрашиваешь себя: зачѣмъ же это такъ? почему? съ какого права? Все, кажется, было такъ хорошо устроено: комнаты были такія уютныя; на полкахъ громоздились такія знакомыя намъ книги; въ такомъ-то углу стояло фортепьяно; вокругъ письменныхъ столовъ, заваленныхъ бумагами, ожидали друзей дома такія покойныя сѣдалища..

Чего не слыхали эти спутники домашней жизни! кого не видали они! На этомъ диванѣ Пушкинъ слушалъ благоговѣйно Жуковскаго; графиня Ростопчина читала Лермонтову свое послѣднее стихотвореніе; Гоголь подслушивалъ свѣтскія рѣчи; Глинка разспрашивалъ графа Віельгорскаго про разрѣшеніе контрапунктныхъ задачъ; Даргомыжскій замышлялъ новую оперу и мечталъ о либретистѣ. Тутъ перебывали всѣ начинающіе и подвизающіеся въ области науки и искусства — и посреди ихъ хозяинъ дома, то прислушивался къ разговору, то поощрялъ дебютанта, то тихимъ своимъ добросердечнымъ голосомъ дѣлалъ свои замѣчанія, всегда исполненныя знанія и незлобія... И не стало болѣе этого хозяина! Рушился домъ привѣтливый, просвѣщенію гостепріимный! Такихъ домовъ мы знали четыре: домъ Олениныхъ, домъ Карамзиныхъ, домъ Віельгорскихъ, домъ Одоевскихъ. Въ этихъ домахъ учоные и мыслители, поэты и художники были не въ гостяхъ, а у себя дома; они чувствовали себя, какъ въ родимомъ гнѣздѣ. И то сказать надо, что ихъ было не много: для нихъ было достаточно одного крова, одной семьи. Теперь подобныя средоточія, можетъ быть, болѣе ненужны. Представители движенія въ наукѣ и въ искус-

ствѣ размножились; они уже образуютъ не кружокъ, а стихію. Въ этой стихіи мало видно еще яркихъ звѣздъ, но то, что прежде было явленіемъ исключительнымъ, становится нынѣ общею потребностью; просвѣщеніе не бьетъ уже отдѣльными ключами, а разливается широкимъ полотномъ правильной рѣки. Время сдѣлало свое—будущность выработаетъ новыхъ людей, опредѣлитъ новыя призванія.

Но какъ бы то ни было, имена Олениныхъ, Карамзиныхъ, Віельгорскихъ и Одоевскихъ не умрутъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Теперь могилы еще слишкомъ свѣжи, память еще слишкомъ тревожна и жива; но по мѣрѣ того, какъ событія будутъ отдаляться въ прошедшее, по мѣрѣ того, какъ воспоминанія будутъ переходить къ спокойствію лѣтописи, заслуги ревнителей и духовныхъ меценатовъ русскаго знанія оцѣнятся по достоинству и передадутся потомству.

Человѣкъ умираетъ—не умираетъ человѣчество, и все стремится впередъ къ божественной цѣли своей, укрѣпляя, развивая и обогащая общую мысль, общее чувство, общую жизнь. Въ этой общей жизни равно участвуютъ и отжившіе и живущіе, такъ какъ нашъ міръ только видимое поле для труда; но ходъ и цѣль труда человѣческаго не отъ міра сего;

но смыслъ общаго усовершенствованія недоступенъ нашимъ понятіямъ. Инымъ людямъ суждено быть безгласными участниками общаго движенія, другимъ — воинствующими двигателями въ разладъ съ общественнымъ равнодушіемъ; третьимъ назначено быть духовною связью между устанавливающимися познаніями и звеномъ соединенія между ихъ представителями.

Такое призваніе выпало на долю скончавшагося нынѣ въ Москвѣ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Будемъ надѣяться, что его подробная біографія сдѣлается предметомъ внимательнаго, отчотливаго занятія. Въ такой біографіи нуждаются всѣ ревнители отечественнаго блага: она будетъ не только памятникомъ человѣка, памятникомъ эпохи — она будетъ высокимъ поученіемъ для нашего юношества, въ то время, когда убѣжденія и страсти еще ожидаютъ разграниченія.

По происхожденію своему, князь Одоевскій стоялъ во главѣ всего русскаго дворянства. Онъ это зналъ; но въ душѣ его не было мѣста для кичливости — въ душѣ его было мѣсто только для любви. Свое родовое значеніе онъ созналъ не высокомѣріемъ предъ другими, а прежде всего строгостью къ самому себѣ и неограниченною преданностью къ началамъ

человѣчности. Съ самаго юнаго возраста, онъ не увлекался страстными порывами, берегъ чистоту своего имени, велъ жизнь невозмутимо-нравственную, безсребренную, скромную, радушную, не возбуждалъ въ другихъ ни гнѣва, ни досады, не затрогивалъ чужого самолюбія, и самъ никогда не допускалъ въ себѣ нетерпѣнія, этого обыкновеннаго свойства людей, посвятившихъ себя искусству и наукѣ.

Передъ нами лежитъ письмо о его кончинѣ. Въ этомъ письмѣ замѣчательно вѣрно сказано: «что-то кроткое постоянно примѣшивается къ воспоминанію объ этомъ человѣкѣ.» И дѣйствительно, вотъ впечатлѣніе, оставленное имъ во всѣхъ его знавшихъ. Никто не скажетъ, что испыталъ отъ него непріятность, слышалъ язвительное слово, вынужденъ былъ къ ссорѣ. Каждый шолъ къ нему, какъ къ родственнику, къ другу, къ наперснику, къ покровителю, и каждый находилъ привѣтливое слово, добрый совѣтъ, а въ случаѣ надобности, и горячее заступничество.

Князь Одоевскій оставилъ по себѣ память прекрасную, какъ человѣкъ, какъ общественный дѣятель, какъ писатель, какъ музыкантъ, какъ учоный. Съ этихъ различныхъ сторонъ долженъ оцѣнить его будущій его біографъ.

Выше всего стоялъ онъ какъ человѣкъ, и прочія его заслуги были только послѣдствіемъ его исключительно-благородной, любящей, кроткой и неутомимо-дѣятельной природы. Въ душѣ его было нѣчто нѣжно-дѣтское, просвѣчивавшее во всѣхъ его поступкахъ и рѣчахъ. Но эта дѣтская нѣжность никогда не колебала непреклонныхъ убѣжденій гражданина, въ трудахъ возмужалаго. Жизнь его была жизнь преимущественно кабинетная, жизнь учонаго, какъ какъ ему были знакомы всѣ отрасли человѣческихъ знаній; но какъ только въ мірѣ науки или искусства обозначалось какое-нибудь подающее надежду явленіе, Одоевскій былъ уже тамъ, снисходительный, поощряющій, сочувствующій. Нужно ли было слово замолвить, поправить ошибку, поддержать передъ сильными міра сего—Одоевскій уже тамъ, забываетъ, что онъ слабъ и нездоровъ, хлопочетъ, объясняетъ, ѣздитъ, проситъ и добивается своего. И, добившись своего, онъ спѣшитъ домой отдохнуть, то-есть, погрузиться въ законы акустики, опредѣлить археологическую постепенность музыкальной науки, сдѣлать наблюденіе надъ галванизмомъ, вывести математическія таблицы, углубиться въ созерцаніе естественныхъ наукъ, медицины, физіологіи, философіи,

педагогики, прочитать новую книгу, написать кому-нибудь въ помощь газетную статейку. Такъ отдыхалъ онъ! Затѣмъ, собственно музыка была для него лакомствомъ. Онъ любилъ ее страстно, но любилъ не по одной нервной впечатлительности артиста, а какъ испытатель сочетанія звуковъ, какъ изыскатель точныхъ законовъ и изобрѣтатель новыхъ инструментовъ.

Пытливость его въ дѣлѣ науки не знала отдыха. Она не имѣла свойства чувственнаго; она проникнута была смысломъ аскетическимъ науки для науки; она была не пьедесталомъ для его личности, а стремленіемъ къ его цѣли, причомъ самъ онъ исчезалъ передъ собою. Изъ этого уже можетъ опредѣлиться человѣкъ, олицетворившій въ себѣ одну только любовь безъ подчиненія мелочамъ личныхъ инстинктовъ. Онъ не понималъ ни самодовольства, ни зависти; онъ отъ души радовался всякому чужому успѣху, потому что въ каждомъ чужомъ успѣхѣ видѣлъ новую силу для просвѣщенія, новое развитіе своей завѣтной мысли. Первыми друзьями его были его книги. Еще въ томъ возрастѣ, когда увлеченія такъ заманчивы и тревожны, онъ уже обладалъ мудрымъ спокойствіемъ старца, не утрачивая, притомъ, никогда ни сердца юноши, ни младенческой душевной чистоты.

Я сблизился съ нимъ въ тридцатыхъ годахъ, когда онъ жилъ въ Мошковомъ переулкѣ, гдѣ занималъ флигель въ домѣ его тестя, С. С. Ланскаго. Квартира его, какъ всегда, была скромная, но уже украшалась замѣчательною библіотекой, постоянно имъ дополнявшейся до дня кончины. Въ этомъ безмятежномъ святилищѣ знанія, мысли, согласія, радушія сходился по субботамъ весь цвѣтъ петербургскаго населенія. Государственные сановники, просвѣщонные дипломаты, археологи, артисты, писатели, журналисты, путешественники, молодые люди, свѣтскія образованныя красавицы встрѣчались тутъ безъ удивленія, и всѣмъ этимъ представителямъ столь разнородныхъ понятій было хорошо и ловко; всѣ смотрѣли другъ на друга привѣтливо, всѣ забывали, что за чертой этого дома жизнь идетъ совсѣмъ другимъ порядкомъ. Я видѣлъ тутъ, какъ андреевскій кавалеръ бесѣдовалъ съ учонымъ, одѣтымъ въ гороховый сюртукъ; я видѣлъ тутъ измученнаго Пушкина во время его кровавой драмы—я всѣхъ ихъ тутъ видѣлъ, нашихъ незабвенныхъ, братствующихъ поэтовъ и мыслителей. Имъ нужно было имѣть тогда точку соединенія въ такомъ центрѣ, гдѣ бы андреевскій кавалеръ зналъ, что его не встрѣтитъ низкопоклонство, гдѣ бы горохо-

вый сюртукъ чувствовалъ, что его не оскорбитъ пренебреженіе. Всѣ понимали, что хозяинъ, еще тогда молодой, не притворялся, что онъ ихъ любитъ, что онъ ихъ дѣйствительно любитъ, любитъ во имя любви, согласія, взаимнаго уваженія, общей службы образованію, и что ему все равно, кто какой кличкой бы ни назывался и въ какомъ бы платьѣ ни ходилъ.

Это прямое обращеніе къ человѣчности, а не къ обстановкѣ каждаго образовало ту притягательную силу къ дому Одоевскихъ, которая не обусловливается ни роскошными угощеніями, ни краснорѣчіемъ лицемѣрнаго сочувствія.

Домъ Одоевскихъ былъ не только храмомъ знанія—онъ былъ еще школой жизни. Онъ доказывалъ, что существенное выше условнаго, что цѣль добра достигается только путемъ любви. Многіе обязаны своему наставнику и другу сознаніемъ, столь важнымъ въ настоящее время, когда мыслямъ и чувствамъ дано болѣе простора, что въ презрѣніи, въ злобѣ не можетъ быть проку.

Можно сказать, что покойникъ отыскивалъ съ жадностью въ каждомъ хорошую сторону, способность на пользу, проблескъ таланта. Онъ не говорилъ еще съ нимъ, а уже былъ

его братомъ. Иногда онъ заблуждался; но заблужденія его были свѣтлыми заблужденіями. Иногда онъ встрѣчалъ даровитость, способность, симпатичность тамъ, гдѣ ихъ не было; но тамъ, гдѣ онѣ были, онъ никогда не проходилъ мимо и не зналъ ни лѣни, ни усталости. Лѣнь онъ называлъ славянщиной, извинялъ ее въ другихъ, недопускалъ въ себѣ.

Таковъ былъ человѣкъ. Такимъ онъ остался до смерти — и отъ жизни его сохранился тихій отблескъ самоотверженія, преданности безкорыстія.

Какъ дѣятель общественный, онъ посвящалъ свое время на устройство и улучшеніе пріютовъ, дѣтскихъ школъ, педагогическихъ пріемовъ, на облегченіе участи нищихъ и нуждающихся, на разработку практическихъ вопросовъ гражданскаго благоустройства, на изученіе законовъ и точнаго ихъ примѣненія къ правосудію и жизни. Онъ былъ рачителемъ чужой нужды, ходатаемъ за чужое горе. Онъ не былъ рожденъ для порывистой страстности — онъ стоялъ выше. Науку и искусство онъ любилъ, какъ любилъ человѣчество—просто, безкорыстно, самоотверженно.

Ученость его была многосторонняя и глубокая. Никогда онъ не хвасталъ ею. Музыкальныя его познанія ставили его на ряду съ первыми музыкальными спеціалистами. Никогда онъ не тщеславился ими, такъ какъ вообще былъ чуждъ тщеславію, не имѣлъ потребности выказаться, блеснуть, вынудить зависть или рукоплесканія. Онъ жилъ по средствамъ, средствамъ весьма скромнымъ, и ему на мысль не приходило, что можно совѣститься быть богатымъ. Что есть, то есть, а пустяковъ ненужно; была бы душевная святыня, было бы умственное богатство. Это чувствовалъ не только онъ самъ—это чувствовали у него всѣ его посѣщавшіе.

Въ нашемъ обществѣ князь Одоевскій былъ явленіемъ исключительнымъ. Его призваніемъ было не столько творчество, сколько согласованіе, и онъ всегда оставался вѣренъ своему призванію.

Въ молодости онъ былъ литераторомъ и оставилъ за собою почотное имя въ исторіи нашей словесности. Словесность была у насъ нѣкогда истокомъ для душъ, жаждавшихъ дѣятельности. Какъ писатель, онъ ознаменовалъ себя, вопервыхъ, замѣчательнымъ слогомъ и совершеннымъ знаніемъ язы-

ка, что въ то время было большою рѣдкостью, вовторыхъ, фантазіей кроткой и задумчивой и скорѣе соболѣзнованіемъ къ жизни, чѣмъ возстаніемъ противъ ея слабостей и обмановъ. По мѣрѣ того, какъ кругъ его вліянія разширялся, онъ перешолъ постепенно отъ роскоши вымысла къ насущнымъ потребностямъ народнаго пробужденія.

Когда общество дремлетъ, являются поэты и будятъ сонныхъ; когда общество устанавливается, поэтовъ уже ненужно: нужны чернорабочіе — каменьщики, школьные учители, законники, люди самоотверженные, противодѣятели мятежнымъ порывамъ, поборники незлобствующаго просвѣщенія. Нужно уже не себя возвеличивать, а другимъ помогать.

Въ этомъ отношеніи, потомокъ древнѣйшаго русскаго имени оставилъ намъ трогательный, поучительный примѣръ. Съ его кончиной прекращается родъ князей Одоевскихъ, но послѣдній изъ Одоевскихъ достойно завершилъ существованіе тысячелѣтней семьи. Рожденный для знатности и для вдохновенія, онъ сдѣлался чернорабочимъ во имя своихъ братій, онъ былъ каменьщикомъ при сооруженіи нашего общественнаго зданія; онъ былъ

школьнымъ учителемъ и въ дѣлѣ науки и въ дѣлѣ искусства, онъ былъ законникомъ и въ судѣ всегда отстаивалъ истину; но въ особенности онъ былъ человѣкъ любящій и преданный. Онъ молился просвѣщенію, какъ святынѣ, и оберегалъ свою святыню отъ лжеучителей и измѣны.

Дѣтей у него не было: его дѣтьми были всѣ сироты и неимущіе. Его семьею было все человѣчество. Онъ оставилъ по себѣ вдову, жившую его жизнью. Ей суждено было страшное горе—пережить его, и жить она болѣе не можетъ; она можетъ только доживать.

Но Провидѣнію угодно было взыскать ее самымъ тяжкимъ испытаніемъ, потому что на ней лежитъ еще одна послѣдняя обязанность. Въ судьбахъ Провидѣнія ничто напрасно не совершается. Жизнь князя Одоевскаго ознаменовалась не рѣзкими событіями, а безпрерывнымъ рядомъ заботъ, трудовъ, домогательствъ, которыя выразились въ его статьяхъ, въ его перепискѣ, въ его запискахъ. Изъ этихъ свидѣтельствъ его неутомимости въ дѣлѣ общей пользы и можетъ опредѣлиться для его соотечественниковъ и для потомства итогъ его жизни. Охотниковъ для выборки найдется много; не мало найдется и перьевъ

для біографіи; но забота о собраніи матеріаовъ относится, естественно, къ постоянной спутницѣ столь поучительнаго и полезнаго существованія. Мы не скажемъ ей, чтобъ она утѣшилась—мы ей скажемъ, что она должна продлить на вѣки жизнь, такъ долго ею оберегавшуюся, и увѣковѣчить эту жизнь неумирающимъ повѣствованіемъ. Тогда только она будетъ имѣть право, окончивъ свое земное назначеніе, подумать о себѣ и отдохнуть отъ горя.

Графъ В. Соллогубъ.

ОТРЫВКИ

из сочиненій князя Одоевскаго,

прочитанные въ засѣданіи О. Л. Р. С.,

13 апрѣля, 1869 года.

...Человѣкъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ поэзіи; она, какъ одинъ изъ необходимыхъ элементовъ, входитъ въ каждое дѣйствіе человѣка, безъ чего *жизнь* этого дѣйствія была бы невозможна; символъ этого психологическаго закона мы видимъ въ каждомъ организмѣ; онъ образуется изъ углекислоты, водорода и азóта; пропорціи этихъ элементовъ разнятся почти въ каждомъ животномъ тѣлѣ, но безъ одного изъ этихъ элементовъ существованіе такого тѣла было бы невозможно; въ мірѣ психологическомъ, поэзія есть одинъ изъ тѣхъ элементовъ, безъ которыхъ *древо жизни* должно было бы исчезнуть; отъ того даже въ каждомъ промышленномъ предпріятіи человѣка есть quantum поэзіи, какъ на оборотъ, въ каждомъ чисто-поэтическомъ произведеніи есть quantum вещественной пользы; такъ напр., нѣтъ сомнѣнія, что страсбургская колокольня вмѣшалась невольно въ акціонерскіе разсчеты, и была однимъ изъ магнитовъ, которые притянули желѣзную дорогу къ городу.

...Желѣзныя дороги—дѣло важное и великое. Это одно изъ орудій, которое дано человѣку для побѣды надъ природой; глубокій смыслъ скрытъ въ этомъ явленіи, на дѐбетъ и крѐдитъ; въ этомъ стремленіи уничтожить время и пространство—чувство человѣческаго достоинства и его превосходства надъ природою. Въ этомъ чувствѣ, можетъ быть, воспоминаніе о его прежней силѣ и о прежней

рабѣ его—природѣ.... Но сохрани насъ Богъ сосредоточить всѣ умственныя, нравственныя и физическія силы въ одно матеріальное направленіе, какъ бы полезно оно ни было: будутъ ли то желѣзныя дороги, бумажныя прядильни, сукновальни или ситцевыя фабрики. Односторонность есть ядъ нынѣшнихъ обществъ, и тайная причина всѣхъ жалобъ, смутъ и недоумѣній; когда одна вѣтвь живетъ на счетъ цѣлаго дерева—дерево изсыхаетъ. *

Было время, когда скептицизмъ почитался самою ужасною мыслію, которую когда-либо изобрѣтала душа человѣка; эта мысль убила все въ своемъ вѣкѣ: и вѣру, и науку, и искусство; она возмутила народы, какъ пески морскіе; она увѣнчала кипарисным вѣнцемъ клевѣтниковъ Провидѣнія вмѣстѣ съ свѣтителями міра; она заставила людей искать, какъ надежной пристани, разрушенія, зла и ничтожества. Но есть чувство ужаснѣйшее самаго скептицизма, можетъ быть, болѣе благое въ своихъ послѣдствіяхъ, но за то болѣе мучительное для тѣхъ, которые осуждены испытать его.

Скептицизмъ есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, міръ своего рода, міръ имѣвшій свои законы, словомъ, міръ замкнутый, до нѣкоторой степени міръ спокойный.

У скептицизма есть удовлетворенное желаніе—ничего не желать; исполненная надежда—ничего не надѣяться; успокоенная дѣятельность—ничего не искать; есть и вѣра — ничему не вѣрить. Но отличительный характеръ настоящаго мгновенія—не есть собственно скептицизмъ, но желаніе выйти изъ скептицизма, чему-либо вѣрить, чего-либо искать—желаніе ничѣмъ не удовлетворенное и потому мучительное до невыразимости. Куда ни обращаетъ

---

* Томъ I, с. 58.

свой грустный взоръ другъ человѣчества—все опровергнуто, все поругано, все осмѣяно! нѣтъ жизни въ наукѣ, нѣтъ святыни въ искусствѣ! что мы говоримъ, нѣтъ мнѣнія, котораго бы противное не было подтверждено всѣми доказательствами, возможными для человѣка. Такія несчастныя эпохи противорѣчія оканчиваются тѣмъ, что называется синкретизмомъ, то есть соединеніемъ въ безобразную систему, вопреки уму, всѣхъ самыхъ противорѣчащихъ мнѣній; такіе примѣры не рѣдки въ исторіи: когда, въ послѣднихъ вѣкахъ древняго міра, всѣ системы, всѣ мнѣнія были потрясены, тогда просвѣщеннѣйшіе люди того времени спокойно соединяли самые противорѣчащіе отрывки Аристотеля, Платона и Еврейскихъ преданій. Въ нынѣшней старой Европѣ мы видимъ то же...

Горькое и странное зрѣлище! Мнѣніе противъ мнѣнія, власть противъ власти, престолъ противъ престола, и вокругъ сего раздора—убійственное, насмѣшливое равнодушіе! Науки, вмѣсто того, чтобы стремиться къ тому единству, которое одно можетъ возвратить имъ ихъ мощную силу, науки раздробились въ прахъ летучій, общая связь ихъ потерялась, нѣтъ въ нихъ органической жизни; старый западъ, какъ младенецъ, видитъ однѣ части, однѣ признаки, — общее для него непостижимо и невозможно частные факты, наблюденія, второстепенныя причины — скопляются въ безмѣрномъ количествѣ;—для чего? съ какою цѣлію? — узнать ихъ, не только изучить, не только повѣрить, было невозможностію уже во времена Лейбница; что жъ нынѣ,—когда скоро изученіе незамѣтнаго насѣкомаго завладѣетъ названіемъ науки, когда скоро и на нее человѣкъ посвятитъ жизнь свою, забывая все подлунное; ученые отказались отъ всесоединяющей силы ума человѣческаго; они еще не наскучили наблюдать, слѣдить за природою, но вѣрятъ лишь случаю, — отъ случая ожидаютъ они вдохновенія истины, — они молятся случаю. Eventus magister stultorum. Уже въ томъ видятъ возвышеніе науки, когда она обращается въ ремесло!.. и слово язычника: мы

ничего не знаемъ! глубоко напечатлѣлось на всѣхъ твореніяхъ нашего вѣка!... наука погибаетъ.

Въ искусствѣ давно уже истребилось его значеніе; оно уже не переносится въ тотъ чудесный міръ, въ которомъ, бывало, отдыхалъ человѣкъ отъ грусти здѣшняго міра; поэтъ потерялъ свою силу! онъ потерялъ вѣру въ самого себя—и люди уже не вѣрятъ ему; онъ самъ издѣвается надъ своимъ вдохновеніемъ и лишь этой насмѣшкою вымаливаетъ вниманіе толпы... искусство погибаетъ.

Религіозное чувство на Западѣ? — оно было бы давно уже забыто, еслибъ его внѣшній языкъ еще не остался для украшенія, какъ политическая архитектура, или іероглифы на мебеляхъ, или для корыстныхъ видовъ людей, которые пользуются этимъ языкомъ, какъ новизною. Западный храмъ—политическая арена; его религіозное чувство—условный знакъ мелкихъ партій. Религіозное чувство погибаетъ.

Погибаютъ три главные дѣятели общественной жизни! Осмѣлимся же выговорить слово, которое можетъ быть теперь многимъ покажется страннымъ, и чрезъ нѣсколько времени—слишкомъ простымъ: западъ гибнетъ!

Такъ, онъ гибнетъ! Пока онъ сбираетъ свои мелочныя сокровища, пока предается своему отчаянію — время бѣжитъ, а у времени есть собственная жизнь, отличная отъ жизни народовъ; оно бѣжитъ, скоро обгонитъ старую, одряхлѣвшую Европу—и можетъ быть, покроетъ ее тѣми же слоями недвижнаго пепла, которыми покрыты огромныя зданія народовъ древней Америки, — народовъ безъ имени.

Не ужъ-ли въ самомъ дѣлѣ, такая судьба ожидаетъ это гордое средоточіе десяти вѣковъ просвѣщенія? Не ужъ-ли какъ дымъ разлетятся изумительныя произведенія древней науки и древняго искусства? Не ужъ-ли заглох-

нутъ не распустившись живыя растенія, посѣянныя геніями—просвѣтителями?

Иногда въ счастливыя мгновенія, кажется, само Провидѣніе возбуждаетъ въ человѣкѣ уснувшее чувство вѣры и любви къ наукѣ и искусству: иногда долго, вдалекѣ отъ бурь міра, хранитъ оно народъ, долженствующій показать снова путь, съ котораго совратилось человѣчество, и занять первое мѣсто между народами. Но одинъ новый, одинъ невинный народъ достоинъ сего великаго подвига; въ немъ одномъ, или посредствомъ его, еще возможно зарожденіе новаго свѣта, обнимающаго всѣ сферы ума и общественной жизни. *

—

. . . .

Фаустъ.—Ложь столькими покровами охватываетъ (нынѣшняго человѣка) съ первой минуты рожденія, что борьба съ нею поглощаетъ всѣ его силы. Эти покровы кровяными жилами приросли къ человѣческому организму. Часто съ плачемъ и воплемъ срывая ихъ съ своей внутренности, послѣ долгихъ, неизмѣримыхъ страданій, истомленный, обезсиленный—думаешь, что достигнулъ до сердцевины души своей—ничего не бывало! тамъ новый покровъ, кровавый, безобразный, пятнающій чистоту воли, и... снова начинается та же работа. У меня притязаніе на одну привилегію: я бы *хотѣлъ* не обманывать, и не обманываться; но еще разъ, не знаю, имѣю ли и на нее право!

Вячеславъ. — Успокойся. Эту привилегію ты раздѣляешь со всѣмъ родомъ человѣческимъ...

Фаустъ.—Полно такъ ли? всегда человѣкъ обманывалъ себя и обманывалъ другихъ, но лишь въ наше время онъ достигнулъ до такого совершенства, что *желаетъ быть обманутымъ*.

---

* Ib. с. 306—310.

Викторъ.—Въ наше время? Напротивъ! Когда, въ какую эпоху дѣйствительность, очевидность, правда, были въ такомъ ходу, какъ нынѣ? Ужь теперь ничего не выиграешь поверхностными соображеніями, аналогіями, приблизительными наблюденіями: нынѣ требуютъ точности, цифръ, фактовъ—они одни обращаютъ на себя вниманіе.

Фаустъ. — То-есть, соскучивъ толковать, какъ бы поправить свое зрѣніе и вычистить очки—больные оттолкнули отъ себя это досадное, безпокойное подозрѣніе и безъ околичностей рѣшили, что ихъ зрѣніе совершенно здорово и очки совершенно чисты; отъ того одинъ видитъ предметы зелеными, другой красными, пока не прійдетъ третій и не станетъ увѣрять, что предметы ни зеленые, ни красные, а синіе. За ними приходитъ человѣкъ, который или тщательно соберетъ всѣ эти показанія, такъ, просто для справки, или заключитъ, что въ предметѣ соединено все вмѣстѣ, и зеленое, и красное, и синее; тотъ и другой въ полномъ убѣжденіи, что изъ собранія многихъ лжей можетъ наконецъ составиться истина, точно также, какъ физики прошедшаго вѣка доказывали, что солнечный свѣтъ состоитъ изъ всѣхъ грубыхъ цвѣтовъ, имъ пораждаемыхъ. Въ этомъ я и вижу бѣду; нѣтъ опаснѣе сумасшедшаго, который вовсе не подозрѣваетъ, что онъ сумасшедшій. Нѣтъ опаснѣе обманщика, который имѣетъ видъ откровеннаго человѣка.

Викторъ.—Но гдѣ же эти обманы? и преимущественно въ нашемъ вѣкѣ?

Фаустъ.—Повторяю: не только люди обманываютъ другъ друга, но даже знаютъ, что они обмануты.

Вячеславъ.—Покрайней мѣрѣ, въ этомъ знаніи ты не отказываешь нашему вѣку?

Фаустъ. — Въ томъ бѣда, а не шутка. Было время, когда, если человѣкъ оскорбленъ другимъ, то они подерутся и убьютъ другъ друга очень просто. Теперь, въ

нашъ вѣкъ, просвѣщенные люди точно также оскорбляютъ другъ друга, точно также убиваютъ, но съ прибавкою: одинъ почитаетъ другаго подлецомъ, но, вызывая на поединокъ, увѣряетъ въ своемъ искреннемъ *почтеніи* и *преданности*. Было время, когда человѣкъ напивался виномъ и опіумомъ—не зная ихъ гибельнаго вліянія на здоровье; теперь человѣкъ это очень хорошо знаетъ и однако напивается тѣмъ и другимъ. Мы такъ свыклись съ ложью, что эти два явленія кажутся намъ дѣломъ отнюдь не страннымъ. Не угодно ли посмотрѣть ихъ братцевъ и сестрицъ на земномъ шарѣ. Напримѣръ, въ такъ—называемыхъ представительныхъ правленіяхъ безпрестанно толкуютъ о желаніи народа; но всѣ знаютъ, что это желаніе только нѣсколькихъ спекуляторовъ; говорятъ: общее благо—всѣ знаютъ, что дѣло идетъ о выгодѣ нѣсколькихъ купцовъ, или, если угодно, акціонерскихъ и другихъ компаній. Куда бѣжитъ эта толпа народа? — выбирать себѣ законодателей—кого-то выберутъ? успокойтесь, это всѣ знаютъ—того, за кого больше заплачено. Что это за скопище? говорятъ о злоупотребленіяхъ, о необходимости новыхъ мѣръ... о гибели отечества—толпа волнуется вокругъ ораторовъ... ничего! это врачи безъ больныхъ и адвокаты безъ процессовъ, имъ нечѣмъ жить, а вотъ, заварится кровавая каша, то, можетъ быть, и имъ достанется ложка: это и сами ораторы и всѣ слушатели знаютъ. Куда идутъ эти почтенные мужи? въ далекія страны, для просвѣщенія полудикихъ. Какой подвигъ самоотверженія! ничего не бывало; дѣло въ томъ, чтобы сбыть бумажные чулки нѣсколькими дюжинами больше—это всѣ знаютъ, и сами миссіонеры. Вотъ произносится вѣчная обоюдная клятва, страшное дѣло!—ничего, всѣ знаютъ, что при совершеніи брачнаго обряда съ намѣреніемъ упущено то, безъ чего бракъ при случаѣ можетъ почесться небывалымъ. Мирный судья захватилъ въ тавернѣ нѣсколько человѣкъ, всѣ спокойны, ибо всѣ знаютъ, что свидѣтели при дѣлѣ съ родни судьѣ и получатъ за явку узаконенную плату, и что только изъ того были всѣ хлопоты; гдѣ-то гово-

рятъ горячо о необходимости поддержать хлѣбную торговлю, какіе факты! какіе доводы! — но всѣ знаютъ, что дѣло идетъ лишь о пользѣ нѣсколькихъ монополистовъ, вокругъ которыхъ сосѣди умираютъ съ голода; философъ съ каѳедры обѣщается открыть всю истину, но всѣ знаютъ, что онъ ее не знаетъ и не скажетъ, а между тѣмъ его слушаютъ; въ гостиной являются чета супруговъ, братья, члены семейства и говорятъ другъ про друга величайшія нѣжности, но и они, и всѣ знаютъ, что они другъ друга терпѣть не могутъ и дожидаются, какъ сказалъ Пушкинъ:

Когда же чортъ возьметъ тебя?

Журналистъ до истощенія силъ увѣряетъ въ своемъ безпристрастіи, но всѣ читатели очень хорошо знаютъ, что во вчерашнемъ засѣданіи акціонерской компаніи, журналу опредѣлено быть того мнѣнія, а не другаго. Человѣкъ, вынесенный невѣжественною толпою на первое мѣсто страны, говоритъ этой толпѣ невѣроятные комплименты— всѣ знаютъ, что это неправда, всѣ знаютъ, что онъ такъ говоритъ потому только, что иначе ему бы не усидѣть, но однако слушаютъ съ удовольствіемъ. Одинъ мой знакомый говорилъ въ шутку: «что за льстецъ этотъ Б**; въ глаза льститъ безъ малѣйшаго стыда; но что будешь дѣлать! знаю, что лжетъ, а пріятно!» Въ этихъ немногихъ словахъ вся характеристика вѣка. Когда необходимость доводитъ до откровенности, тогда ея нагота прикрывается изъ благоприличія словами, часто совершенно противоположнаго значенія; одинъ государственный мужъ выразился такъ: «наши отцы касались этого вопроса съ такою мудрою *терпимостію* (tolerance), что до сихъ поръ онъ никогда не возмущалъ общаго спокойствія, и я равно никогда не допущу въ этомъ дѣлѣ нововведеній». Къ чему относилось это прекрасное слово: терпимость? вы подумаете къ вѣроисповѣданіямъ, или къ чему нибудь подобному? Нѣтъ! просто къ состоянію американскихъ негровъ! —*Терпимость* въ этомъ смыслѣ! образецъ изобрѣтатель-

ности! Неоцѣненная игра словъ! и къ сожалѣнію, не первая и не послѣдняя. Если все это, господа, не *ложь*, то мы понимаемъ что-то совершенно различное подъ этими словами.

Викторъ.—Нѣтъ! но ты смѣшиваешь ложь съ словомъ приличіе, которое, конечно, играетъ важную ролю въ нашемъ вѣкѣ—и тѣмъ лучше—это признакъ его просвѣщенія...

Вячеславъ.—Умный человѣкъ сказалъ: лицемѣріе есть невольная дань уваженія, которую порокъ приноситъ добродѣтели.

Фаустъ.—Я знаю изреченіе еще лучше: языкъ данъ человѣку на то, чтобы скрывать его мысли...

Викторъ.—Ужь если пошло на цитаты,—то я напомню о весьма глубокой мысли, нынѣ опростонародившейся: toutes les verités ne sont pas bonnes à dire,—я не знаю, какъ перевести это порусски; переводятъ: *не всякая правда кстати*, но это не то...

Фаустъ.—Къ счастію не то! Нашъ дѣвственный языкъ не позволилъ растлить себя этой развращенною нелѣпостію; онъ не далъ мѣста ея общему, безусловному смыслу, — нашъ языкъ, насильно принявъ иноземную гостью, стѣснилъ ее въ случайность: *некстати, не въ пору,*—и бережно сохранилъ свое самобытное, врожденное, глубокое, хотя и простое слово: «хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь». На эту пословицу можно написать цѣлый курсъ нравственности, которая, разумѣется, не войдетъ въ Бентамовы рамки; въ нихъ мѣсто только первой, хлѣбной половины нашего честнаго присловья.—Такъ вотъ до чего вы дошли, господа эмпирики, господа фактисты, люди положительные! вы спрятали ложь подъ словомъ приличіе, какъ ребенокъ голову въ подушки, и думаете, что васъ не видно! Что̀ въ словѣ, когда смыслъ его уничижаетъ, пугаетъ душу человѣка? гдѣ же ваша любовь къ очевид-

ности, къ ясности, къ фактамъ, къ цифрамъ? эта любовь только до нѣкоторой степени,—а тамъ—да здравствуетъ ложь!—О! вы правы! спрячьте вашу ложь, закройте ее, закрасьте, замажьте ее,—потому что если кто вамъ покажетъ ее лицемъ къ лицу, то вы возненавидите себя за ваше безобразіе...

Викторъ.—Все, что ты говоришь, очень справедливо въ нѣкоторомъ смыслѣ...

Фаустъ.—Въ нѣкоторомъ смыслѣ! еще платьеце на *ложь!* Рядите, рядите, господа, вашу воспитанницу, или воспитательницу...

Викторъ.—Да какъ ни называй, ложь, приличіе, духъ времени—все равно; дѣло въ томъ, что при пособіи этого снадобья Западъ вышелъ изъ мрака среднихъ вѣковъ, возвысился до той степени, гдѣ мы его видимъ теперь; сдѣлался разсадникомъ изобрѣтеній, искусствъ, наукъ... главное—цѣль, а не средства...

Фаустъ.—Покрайней-мѣрѣ ты соглашаешься, что разсадникъ завелся при пособіи—*синкретическаго снадобья,* чтобы сказать благоприличнѣе—добрый знакъ!—Цѣль достигнута, ты говоришь?

Викторъ.—Достигается...

Фаустъ.—Посмотримъ же, чего достигли,—древо по плоду познается. Повторяю, мысли моихъ искійныхъ друзей о Западѣ преувеличены,—но... прислушайся къ самимъ западнымъ писателямъ, приглядись къ западнымъ фактамъ—не къ одному, но ко всѣмъ безъ исключенія; прислушайся къ крикамъ отчаянія, которые раздаются въ современной литтературѣ...

Викторъ.—Это ничего не доказываетъ; какъ можно ссылаться на показанья самыхъ болтливыхъ людей въ человѣческомъ родѣ, на литтераторовъ? Имъ, извѣстно, нужно одно—произвести эффектъ чѣмъ бы то ни было—правдой или неправдой...

Фаустъ.—Такъ! но нельзя отрицать, что въ произведеніяхъ литтературныхъ, особенно въ романѣ, отражается, если не жизнь общественная, то покрайней-мѣрѣ состояніе духа пишущихъ людей, хотя и болтливыхъ, какъ ты говоришь, но все-таки составляющихъ цвѣтъ общества...

Вячеславъ.—О! безъ сомнѣнія—что ни говори, печать—дѣло великое, это оселокъ и весьма вѣрный! сколько людей считались умными въ свѣтѣ, даже геніями,—казалось, они проглотили всю земную мудрость,—но ихъ личина спадала при первыхъ строкахъ ими напечатанныхъ; нежданно открывалось, что предполагаемыя глубокія мысли ничто иное, какъ пара ребяческихъ фразъ, остроуміе — натянутый наборъ словъ, ученость — ниже гимназическаго курса, а логика—хаосъ...

Фаустъ.—Я согласенъ съ тобою, но съ нѣкоторыми ограниченіями... впрочемъ, это въ сторону; я говорилъ о литтературѣ, какъ объ одномъ изъ термометровъ духовнаго состоянія общества; этотъ термометръ показываетъ: неодолимую тоску (malaise), господствующую на Западѣ, отсутствіе всякаго общаго вѣрованія, надежду безъ упованія, отрицаніе безъ всякаго утвержденія. Посмотримъ на другіе термометры.—Викторъ упоминалъ о чудесахъ промышленности нашего вѣка. Западъ есть міръ мануфактурный; Кетле былъ невольно приведенъ своими добросовѣстными статистическими таблицами до слѣдующихъ заключеній: 1-е, что число преступленій гораздо значительнѣе въ промышленныхъ, нежели въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ; 2-е, что нищета гораздо сильнѣе въ странахъ мануфактурныхъ, нежели гдѣ-либо, ибо малѣйшее политическое обстоятельство, малѣйшій застой въ сбытѣ повергаетъ тысячи людей въ нищету и приводитъ ихъ къ преступленіямъ. Современная промышленность дѣйствительно производитъ чудеса: на фабрикахъ, какъ вамъ извѣстно, употребляютъ большое число дѣтей ниже одиннадцати-лѣтняго возраста, даже до шести лѣтъ, по самой простой причинѣ, потому что имъ платить дешевле; какъ

фабричную машину невыгодно останавливать на ночь, ибо время—капиталъ, то на фабрикахъ работаютъ днемъ и ночью; каждая партія одиннадцать часовъ въ сутки; къ концу работы, бѣдные дѣти до того утомляются, что не могутъ держаться на ногахъ, падаютъ отъ усталости, и засыпаютъ такъ, что ихъ можно разбудить только бичемъ; честные промышленники, чтобы помочь этому неудобству, сдѣлали чудное изобрѣтеніе: они выдумали сапоги изъ жести, которые мѣшаютъ бѣднымъ дѣтямъ—даже падать отъ усталости...

Викторъ.—Это частный случай, который ничего не доказываетъ...

Фаустъ.—Имѣй терпѣніе хоть пробѣжать парламентскія изслѣдованія съ 1832 по 1834 годъ и другіе документы, то ли ты найдешь тамъ? — Вездѣ одинъ отвѣтъ: десятилѣтнія дѣти на работѣ по одиннадцати часовъ въ сутки; усталость до утомленія; распухнувшія ноги; спинная болѣзнь; недостатокъ сна, отъ котораго всегдашнее полусонное состояніе, наконецъ, что всего важнѣе—невозможность какого-либо воспитанія, какого-либо образованія, тѣмъ менѣе нравственнаго, ибо послѣ одиннадцати-часовой работы нѣтъ времени для школы; а если бы и нашлось это время, то физическое и нравственное состояніе дѣтей таково,—что ученье для нихъ безполезно; коммисары парламента открыли, что большая часть фабричныхъ работниковъ не умѣютъ ни читать, ни писать, и прежде времени поражены старческою немощью; это уже не сказка, а оффиціальное дѣло. *

. . . .

Карлъ Дюпень торжественно объявилъ съ парламентской трибуны, что «на 10,000 рекрутъ въ мануфактурныхъ департаментахъ Франціи представляется 8,900 больныхъ и уродовъ, а въ земледѣльческихъ лишь 4,000».

Викторъ.—Это все темная сторона; должно брать въ расчетъ и силу обстоятельствъ, какъ напримѣръ огромную

* Ib. с. 317—327.

производительность Запада, которая, естественно, понижаетъ цѣны на фабричныя произведенія и заставляетъ производить дешевле и въ меньшее время; отъ того всѣ эти ночныя работы, употребленіе дѣтей, утомленіе...... безъ того большая часть фабрикантовъ бы разорились..

Фаустъ.—Я не вижу нужды въ этой непомѣрной производительности...

Викторъ.—Помилуй! ты хочешь ограничить свободу промышленности...

Фаустъ.—Я не вижу нужды въ этой безпредѣльной свободѣ.....

Викторъ.—Но безъ нея, не будетъ соревнованія.....

Фаустъ.—Я не вижу нужды въ этомъ такъ называемомъ соревнованіи... какъ? люди алчные къ выгодѣ, стараются всѣми силами потопить одинъ другаго, чтобы сбыть свое издѣлье, и для того жертвуютъ всѣми человѣческими чувствами, счастіемъ, нравственностію, здоровьемъ цѣлыхъ поколѣній—и потому только, что Адаму Смиту вздумалось назвать эту продѣлку соревнованіемъ, свободою промышленности—люди не смѣютъ и прикоснуться къ этой святынѣ? О ложь безстыдная, позорная!

Викторъ.—Я согласенъ, что настоящее состояніе западной промышленности представляетъ много страннаго и печальнаго — но не въ ней одной заключается Западъ. Вспомни, что Западъ—колыбель нашего просвѣщенія, что на Западъ ходятъ учиться, что Западъ истинный храмъ наукъ.....

Фаустъ.—Обширный вопросъ! объ немъ можно говорить до завтрашней ночи. Чтобъ не распространяться вдаль—я спрошу только: какія именно науки подвинулись въ этомъ храмѣ? Я вижу движеніе на Западѣ, вижу безмѣрную трату силъ, вижу множество пріемовъ полезныхъ и безполезныхъ—имъ не худо учиться, но думать, что новая наука далеко оставила за собою древнюю — это вопросъ

другой; новая наука увеличила-ль хоть на волосъ благоденствіе человѣка? это вопросъ третій.

Викторъ.—Послушай; отрицать просвѣщеніе Запада—дѣло не возможное; ты этого не докажешь....

Фаустъ.—Я не отрицаю его, и даже признаю, что намъ еще многому остается учиться на Западѣ, но я хотѣлъ бы привести это просвѣщеніе въ настоящую оцѣнку. Успѣхи въ политической экономіи и общественномъ благоустройствѣ мы уже видѣли и видимъ каждый день; дѣло дошло до того, что одинъ добрый чудакъ предложилъ перевернуть весь общественный бытъ и испытать, не лучше ли будетъ, вмѣсто обузданія страстей, дать имъ полный разгулъ и еще подстрекать ихъ; а этотъ чудакъ былъ человѣкъ не глупый; нелѣпость, до которой дошелъ онъ, доказываетъ, что уже нѣтъ выхода изъ того круга, въ который забрела западная наука. *

---

* ib. с. 331—333.

NB. На с. 55 ссылка напечатана лишняя.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

